

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

НЕЗАПЕРТАЯ
ДВЕРЬ

АСТ

Каменская

Александра Маринина

Незапертая дверь

«Автор»

2001

Маринина А.

Незапертая дверь / А. Маринина — «Автор»,
2001 — (Каменская)

ISBN 5-699-02739-4

Во время съемок телесериала в парке «Сокольники» убит водитель съемочной группы и бесследно исчезла жена сценариста. На первый взгляд все указывает на очередную разборку между криминальными группировками, ведь убитый водитель связан и с азартными играми, и с наркотиками. Однако вскоре появляется версия о том, что убийство на съемочной площадке направлено на срыв работы по созданию сериала, а это, в свою очередь, выводит на первый план новых подозреваемых. В этот раз сотруднику уголовного розыска Насе Каменской работать куда труднее, чем раньше: полковник Гордеев ушел на пенсию, а с новым начальником отношения у нее никак не складываются. Каменской приходится всерьез задуматься над тем, оставаться ли служить на Петровке или все-таки уходить...

ISBN 5-699-02739-4

© Маринина А., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александра Маринина

Незапертая дверь

Глава 1

На похороны Анечки Симоновой собрался весь город. Трудно найти в Камышове человека, который не был бы знаком с этой улыбчивой и доброжелательной девушкой. И у какого-то подонка поднялась рука на нее...

Но какой бы чудесной ни была Аня, разговоры в толпе провожающих ее в последний путь все-таки чаще касались ее несчастной матери, Клавдии Савельевны. Вот ведь как порой жестока бывает судьба! Сначала погиб старший сын, Юрка, до тридцати не дожил, работал взрывником на шахте. Потом скоропостижно скончался от сердечного приступа муж Клавдии. А теперь вот убили двадцатитрехлетнюю Анютку. И все за какой-то год с небольшим. Какое ж сердце столько горя выдержит? Двоих детей вырастила и воспитала, и обоих злая сила отняла. Совсем одна Клавдия осталась. Ни мужа, ни деток, ни внуков.

Аню, как и положено по православному обычаю, отпевали в церкви. Народу в храм набилось битком, и на человека в дешевом темном костюме внимания не обращали. Мало ли кто приехал проститься с девушкой, она после школы в Юрге училась, в техникуме, там, наверное, много друзей-приятелей осталось, а после техникума жила и работала в Мариинске, так что присутствие незнакомых людей на похоронах никого не удивляло. Конечно, последний год, после того как умер отец, Аня вернулась и жила в Камышове с матерью, но люди-то, вспоминая о ней с добрыми чувствами, и в Юрге есть, и в Мариинске, а может, и еще где. Славная была девушка, приветливая, отзывчивая, таких долго не забывают.

Человек в темном костюме стоял, как и все, опустив голову, но исподлобья внимательно наблюдал за присутствующими. В бога он верил, но в церкви ему всегда бывало неуютно и отчего-то хотелось скорей выйти на улицу. Он не знал ни одной молитвы, даже «Отче наш» мог произнести только до середины, и лишь недавно научился осенять себя крестом, но так и не усвоил толком, в какие моменты это полагается делать, поэтому подносил сведенные в щепоть три пальца ко лбу, груди и плечам только тогда, когда видел, что это делают окружающие. В последнее время он даже всерьез подумывал о том, что надо бы окреститься, а заодно и имя другое принять. Конечно, никто не позволит ему сменить свое татарское имя на какое-нибудь православное за просто так, за здорово живешь только потому, что он примет крещение, но Иреку казалось, что имя приносит ему неудачу, а если будет другое какое-нибудь, пусть и неофициально, то и жизнь может перемениться к лучшему. Ладно бы он был из татарской семьи – тогда носить такое имя было бы нормальным. Но ведь мать и отец, и бабки с дедами у него самые что ни есть русские, а вот, поди ж ты, взбрендило родителям дать ему такое имя! Ирек... Так, видите ли, отцовского друга звали, кореша душевного, с которым они вместе срок мотали еще по малолетке. Вот в честь друга батя сына и назвал, не посмотрел, что имя нерусское. Ну куда это годится? Ирек Мухамедов, который в Большом театре танцевал, – это да, это имя, и вопросов никаких. А Ирек Сергеевич Шанькин? Курам на смех! Вот через это имя все его беды и приходят.

Служба подходила к концу, сейчас все выйдут, потом вынесут гроб с телом и понесут к могиле, где похоронены отец и брат убитой, точнее, то, что осталось от брата после взрыва на шахте. Кладбище расположено здесь же, позади церкви. Еще полчаса максимум – и все будет закончено, а Ирек так и не сделал то, ради чего приехал сюда. То ли это его вина – он недостаточно внимательно смотрит вокруг, то ли тот, кого он ищет, и в самом деле не приехал

на похороны. Но факт есть факт: задание он не выполнил. Он вообще невезучий. Наверное, и вправду ему надо имя сменить, тогда и удача придет.

Тот, кого он ищет, должен быть один. И держаться подальше от гроба и от убитых горем родственников. Как он выглядит – неизвестно, сказали только, что на вид ему должно быть лет тридцать или около того, рост приблизительно метр семьдесят три – семьдесят пять, это единственное, что нельзя изменить, ну разве только при помощи толстой подошвы и каблучков, но и то ненамного. Вот и все приметы внешности. Ирека заранее предупредили, что искать надо, ориентируясь на особенности поведения. Но, как ни вглядывался Ирек в повадки присутствующих, как ни наблюдал за ними, нужного человека не находил.

Он так разозлился на собственную невезучесть, что вдруг особенно остро начал ощущать дешевизну надетого сегодня утром костюма. Давно уже он такое барахло не носит, предпочитает черные джинсы от Кельвина Кляйна, трикотажные майки от Версаче и свободные мягкие куртки из коричневой или темно-синей лайки, такие тонюсенькие, что больше похожи на рубашки. Они удобные, движения не стесняют, и неброские, и практичные – не мнутся, не пачкаются. Дорогие, конечно, слов нет, но они того стоят, и вообще он давно уже ничего дешевого не носил. Сначала отец баловал, а теперь Ирек и сам неплохо зарабатывает. Но в привычном фирменном прикиде являться на похороны в Камышов нельзя: слишком резко он станет выделяться в толпе небогатых горожан. Вот и пришлось купить какую-то дребедень в первом попавшемся универмаге в Кемерове. А еще предстоит обратная дорога по колдобинам из Камышова в Кемерово, и не на своей любимой тачке, а на чьих-то ржавых «Жигулях», потому как светиться в этом заштатном городишке на приличной иномарке тоже опасно – могут внимание обратить, а это Иреку совсем ни к чему.

Гроб поднесли к открытой могиле, мать убитой девушки стала истошно кричать... А тот тип так и не появился. Или все-таки появился, а Ирек его не видит? Может быть, он стоит совсем рядом, дышит ему в затылок, касается его локтем, а Иреку и невдомек, что это именно он, тот, кого он ищет. Нет, невезучий он, определенно невезучий. Пойти, что ли, потолкаться перед домом, где жила покойница? На похороны не явился, так, может, хоть на поминки заглянет, рюмку за упокой невинно загубленной души поднимет? Насчет поминок, правда, распоряжений не было, рассуждали так, что на похороны должен приехать, а в дом идти не рискнет. Ирек поразмышлял еще немного и решил инициативы не проявлять, а то как бы хуже не вышло. Здесь все-таки толпа, а там каждый будет на виду, начнут еще, чего доброго, с расспросами приставать, кто он да откуда покойницу знает. Никакой толковой легенды у Ирека припасено не было, об убитой Ане Симоновой он почти ничего не знал и, учитывая всегдашнюю невезучесть, наверняка попадет впросак, если придется вступать в разговоры.

Толпа двинулась с кладбища в сторону дома Симоновых. Ирек некоторое время шел вместе со всеми, потом, уловив удобный момент, юркнул в переулок и окольными путями добрался до места, где оставил машину. Тьфу, от одного ее вида Ирека сразу затошнило. Ржавая, раздолбанная... Ну да ладно, начальству виднее, на чем ему ездить. Его дело маленькое, сказали – выполнил, а что, зачем и почему – вникать не обязательно. Меньше знаешь – лучше спишь, этому его еще батя учил, а батя попусту говорить не станет, у него семь ходок за спиной, из сорока восьми лет жизни он в общей сложности двадцать один год на зоне провел. Опытный.

Сто с лишним километров до Кемерова Ирек проехал за два с половиной часа – старенький «жигуленок» на большее оказался не способен. Оказавшись на знакомых улицах родного города, первым делом порулил к батю. Доложиться надо, да и тачку свою взять, он ее еще утром там оставил, когда в эту консервную банку пересаживался.

Батя, рано постаревший лицом и шевелюрой, но сильный и жилистый, как молодой лось, жил один, как и положено порядочному вору. Мать давно, как только батю во второй раз посадили, ушла от него и сына забрала, но Ирек всегда тянулся к отцу, и в редкие месяцы, когда тот бывал на свободе, Шанькин-старший, имевший в своем кругу кличку Шаня, сына вниманием

не обделял. Конечно, так повелось не сразу: пока Ирек был маленьким, Шаня к мальчику ни малейшего интереса вроде бы не проявлял, а вот лет с десяти все переменялось.

– Смена растет, – горделиво говорил рецидивист, похлопывая сына по спине, когда видел, каким восторгом и волнением загораются глаза мальчугана, слушающего рассказы отца о зоне и царящих в ней порядках.

– Ты меня слушай, ума набирайся, пригодится.

Пока, слава богу, не пригодилось. Но ведь все до поры до времени... Ирек с наслаждением захлопнул дверцу чужой машины, сунул ключи в карман и не удержался, подошел к своему темно-синему «Опелю», стоящему рядом. Погладил капот, прикоснулся пальцами к боковому зеркалу. Картинка, а не тачка! Век бы любовался. Сесть в нее сейчас и уехать куда подальше, не заходя к бате... Нет, нельзя. Ирек даже плечами передернул, представив, какой поток матерной брани обрушится на него через несколько минут, когда батя услышит, что он не выполнил поручение. Но если нарушить приказ и уехать, не доложившись лично, то потом будет еще хуже. Батя где хошь сыщет и ноги поотрывает, а следом и голову.

Прогноз Ирека оправдался лишь частично: Шаня действительно матерился, но сына особо не бранил, ругань свою направил на того, кого сыну так и не удалось найти.

– Не приехал, стало быть, – задумчиво повторил он несколько раз, выпустив пар при помощи потока хорошо известных слов, ранее считавшихся непарламентскими, но ныне, как говорят очевидцы, вполне принятыми в среде вершителей судеб. – А ты хорошо смотрел?

– Бать, да я глаза все проглядел, – горячо убеждал его Ирек. – Ты ж знаешь, для меня твое слово – закон.

– Ну смотри мне, – с неопределенной угрозой протянул Шаня. – Пока я тебе верю. Но если учую, что финтишь, не посмотрю, что родная кровь. Сам понимаешь, у нас закон твердый. Я за тебя поручился, братву заверил, что тебе можно доверять. Подведешь – жизни лишу, так и знай.

Ирек и без того знал. Батя шутить не любит, это точно. Сам он, понятное дело, «мокрухой» мараться не станет, не воровское это дело, но среди братков исполнители всегда найдутся. И сына своего родного Шаня любит ровно до тех пор, пока Ирек исправно выполняет поручения тех, кто стоит над батей.

* * *

Наталья Воронова была человеком более чем терпимым, ее не раздражали чужие вкусы и мнения, даже если она их не разделяла. Но с недавнего времени в ее жизни появилось слово, от которого у нее в буквальном смысле начинались судороги. Это слово «беспрецедентно». На протяжении последнего месяца Наталья слышала его не меньше тысячи раз, то есть раз по тридцать в день.

– Да как же можно снимать кино по книге, которую никто, кроме вас самой, не читал? Это беспрецедентно! А вдруг чутье вас подводит, и это не будет бестселлером? Новый автор, никому не известный. Надо подождать, пока роман издадут, посмотреть, как отреагирует читатель, понравится ли книга публике...

– Это беспрецедентно – снимать картину, не имея финансирования от телеканала!

– Это беспрецедентно – не иметь договора с телевидением...

– Это беспрецедентно – снимать, не имея законченных сценариев...

– Это беспрецедентно...

Наталья и сама прекрасно понимала, что то, что она делает, ни в какие, мягко говоря, ворота не лезет. В апреле прочла рукопись, которую ей принес знакомый журналист, до этого не написавший в «художественном» жанре ни строчки, загорелась, пошла с рукописью к руководству телеканала, для которого уже сняла два длинных телесериала, но понимания, есте-

ственно, не встретила. То есть понимание-то как таковое, конечно, было, Вороновой поверили, что материал – прекрасная основа для еще одного сериала, и готовы были рассматривать ее предложение в свете бюджета на будущий год. Но Наталья не хотела ждать целый год. Она хотела снимать немедленно, сейчас, с завтрашнего дня. А лучше – прямо сегодня.

Все смотрели на нее как на умалишенную. И это знаменитая Воронова, всегда такая сдержанная и терпеливая? Воронова, которая сто раз подумает и прикинет, прежде чем за что-то браться и принимать какие бы то ни было решения? Да не подменили ли ее?

Весь мир вокруг Натальи разделился на два лагеря. В одном оказался весь теле- и киномир. В другом – она и ее близкие: муж и воспитанница. Муж Натальи, Андрей Ганелин, давно и успешно занимался бизнесом и даже профинансировал двенадцать лет назад съемки ее первого полнометражного фильма. С насмешливой улыбкой выслушав охи и причитания супруги по поводу медлительных и неразворотливых чиновников, от которых зависит принятие решения, он мягко сказал:

– Наташенька, я дам деньги, начни снимать, а там видно будет.

– Но это очень большие деньги, – испуганно предупредила Наталья, – ты даже не представляешь, какие большие.

– Жить с женой-режиссером и не представлять, о каких деньгах идет речь? – усмехнулся Андрей. – Было бы смешно. Ты меня обижаешь. Скажи своему приятелю Южакову, что если телеканал в принципе согласен делать этот проект, то пусть пока утрясают все вопросы с финансированием, а ты тем временем будешь снимать на мои деньги. Сколько смогут выделить – столько и выделят, а когда картина будет готова, все доходы от проката и продаж поделим пропорционально вложенным средствам.

– Андрюша, ты понимаешь, на что подписываешься? – осторожно спросила Наталья. – Они будут думать и решать до тех пор, пока не закончится съемочный период. Им останется только оплатить монтаж, озвучание и еще кое-что, но это сущие мелочи по сравнению со съемками. Я ведь не собираюсь снимать три года, если начинать – то немедленно, мне нужны летние месяцы, там очень много натуры, и вся – процентов на восемьдесят – летняя. А ждать до следующего лета я не хочу. За лето я сниму почти всю природу, осенью – павильон и, соответственно, осень, в декабре – зиму. К Новому году закончу. И все это придется делать за твой счет.

– А весну? Весны в твоей картине совсем не будет? – поинтересовался Ганелин.

– Весну можно снимать в ноябре, деревья голые, земля сырая.

– Ага, и хороший оператор, – подхватил он. – Ну что, Наташа, решаешься? В тебе всегда дремала авантюрная жилка, дай ей наконец проявить себя, а то ты ее всю жизнь задавливаешь и в темный угол загоняешь. Скучно живешь. Тебе сорок шесть лет, пора уже попробовать совершить рискованный поступок. Ну хотя бы ради интереса.

Наталья колебалась, но тут вступила в игру ее воспитанница, она же актриса Ирина Савенич.

– Натулечка, да о чем тут думать-то?! – кричала Ирина, размахивая руками. – Конечно, надо снимать. Тебе что, нравится без работы сидеть?

Сидеть без работы Вороновой не нравилось. Но влезать в авантюры ей нравилось еще меньше. Тем более в такие беспрецедентные...

И все-таки она решилась. Вместе с автором романа Русланом Нильским написала поэпизодный план сценария, заключила договор с компанией-производителем и в конце мая начала снимать, как говорится, «с колес». Готового и утвержденного сценария не было, но Наталья положила на собственный опыт (все-таки она закончила сценарное отделение ВГИКа и много лет работала сценаристом до того, как получила второе образование и стала режиссером) и на талант молодого писателя. Каждый день в свободное от съемок время они с Русланом писали диалоги для ближайших съемочных дней, а многое придумывали и меняли прямо на площадке.

Руслан приехал из Кемерова, никакого жилья в Москве у него не было, и Наталья, недолго думая, поселила его в пустующую квартиру своего младшего сына, поскольку Алешка все равно жил с ней, никак не желая приучаться к самостоятельному существованию. В отличие от старшего брата Саши, который с радостью выпорхнул из-под материнского крыла, недавно женился и жил отдельно, девятнадцатилетний Алеша по-прежнему жался к матери и ее второму мужу Ганелину.

С Русланом, правда, тоже возникли трудности, в Кемерове у него остались жена и две дочки-близняшки, и пришлось потратить немало сил на то, чтобы убедить его в необходимости провести несколько месяцев в Москве. Главную роль в уговорах играла Ирина, и бог знает как, но ей удалось добиться его согласия. Во вторник, двадцать второго мая, торжественно разбили тарелку, что символизировало начало съемочного периода, разобрали на память осколки и, благословясь, приступили.

* * *

Яна, конечно же, примчалась в Москву с горящими глазами, оставив двухгодовалых дочек со своими родителями.

– Как здорово, Русик! – не уставала она повторять, снова и снова обходя все уголки небольшой однокомнатной квартирки, где им предстояло жить до конца съемок. – Мы с тобой целых полгода проживем в Москве! По твоему роману снимается кино! Поверить не могу. Неужели это происходит с нами?

Руслан подозревал, что причиной появления Яны было не стремление пожить в столице и, пожалуй, не столько любовь к мужу, сколько ревность. Так и оказалось. И объектом этой ревности была Ирина Савенич. Первые несколько дней Яна еще как-то держала себя в руках, но потом уже не могла скрывать неприязнь к красивой актрисе. Дружеские отношения между Ириной и Русланом приводили молодую женщину в откровенное бешенство, и никакие разговоры об их давнем знакомстве на Яну не действовали.

– Чего она к тебе липнет? – недовольно спрашивала Яна каждый вечер, когда они возвращались домой. – Как будто ты медом намазан.

– Она не липнет, – терпеливо объяснял Руслан. – Она общается со мной ровно столько же, сколько со всеми остальными на площадке. Можешь по часам засесть.

Но засесть по часам Яна Нильская не хотела. Она хотела только одного: чтобы вызывающе красивая, бросающаяся в глаза брюнетка с яркими темными глазами и густыми смоляными кудрями не приближалась к ее мужу и не разговаривала с ним. А они ведь не просто разговаривают, они улыбаются друг другу, вместе отходят в сторонку покурить, сидят рядышком, голова к голове, склонившись над сценарием. И эта старая сводня Воронова им потакает, чуть что – сразу зовет к себе их обоих и о чем-то шепчется. Самыми страшными были для Яны те часы, которые Руслан проводил у Вороновой, работая над сценарием. Яну туда не приглашали, и она сидела в крошечной квартирке на окраине Москвы и лелеяла возникавшие в воспаленном сознании страшные картины происходящего. А вдруг они там не над сценарием работают? Вдруг туда явилась Ирина, а Воронова ушла и оставила их наедине? Чем они занимаются вдвоем, ее муж и эта актрисулька? Или Руслан вообще не у Вороновой, а у Ирины дома?

Телефона в квартире не было, и Яна каждые полчаса бегала к ближайшему автомату и звонила Вороновой. Наталья Александровна всегда оказывалась дома и сама брала трубку, потом подзывала Руслана, который с трудом сдерживал раздражение от постоянных беспричинных звонков супруги. Подозрения Яны, казалось бы, не подтверждались, но это не заставляло ее пересмотреть свое отношение к ситуации. Она все равно ревновала, и с каждым днем все сильнее. Ежедневно находясь рядом с мужем на съемочной площадке и видя, как он то обсуждает что-то с Вороновой, то разговаривает с актерами, то сосредоточенно что-то пишет,

склонившись к лежащему на коленях блокноту и не обращая на жену ни малейшего внимания, Яна ощущала себя лишней и ненужной, терзалась тем, что находится здесь напрасно, и страдала от того, что не может не приезжать на съемки вместе с Русланом. Пока она рядом, он не посмеет слишком сближаться с Ириной Савенич. Правда, Ирина снимается далеко не каждый день, но Яне хватало ума понимать, что нельзя появляться на площадке только тогда, когда там присутствует Савенич. Это сразу все заметят и сделают выводы. Над ней будут смеяться, за ее спиной начнут шушукаться и отпускать сальные шуточки в ее адрес.

Она пыталась отвлечься от черных мыслей и даже попробовала, надо признать, не без успеха, пофлиртовать с кем-нибудь из съемочной группы. Перебрав несколько кандидатур, Яна остановила свое внимание на одном из водителей. Водитель – идеальная кандидатура для ее целей, он не занят непосредственно съемками и, пока все работают на площадке, может посидеть в сторонке и поболтать с Яной, жуя гамбургер и потягивая пепси-колу из горлышка бутылки. А если его посылают куда-нибудь с поручением, то можно поехать вместе с ним, все-таки какое-никакое – а развлечение. Она увидит новые улицы, новые магазины, а если все совсем хорошо сложится, то сумеет перекусить в новом для себя ресторанчике, куда они вместе заскочат. Рестораны Яна Нильская обожала, с самого детства для нее посещение любого предприятия общепита, отличного от забегаловки или учрежденческой столовой, было синонимом настоящей шикарной жизни, которую она видела только в кино. Руслан, конечно же, чувствовал противные уколы ревности, наблюдая крепнущую на глазах дружбу его жены с водителем съемочной группы, но при этом понимал, что так лучше для всех: и Янка не скучает, и ему самому спокойнее.

Водитель по имени Тимур был симпатичным парнем, веселым и обаятельным, умел смешно рассказывать анекдоты и говорил с легким, почти незаметным грузинским акцентом. Два дня назад, узнав, что предстоит почти две недели снимать в парке «Сокольники», он радостно сообщил Яне и Руслану, что это его родной район, и пообещал, что уж там-то они не заскучают.

– Творцы пусть творят, – сказал он, лукаво подмигнув, – Руслан будет создавать шедевр, а мы с тобой, Яна, такого шашлычка покушаем – пальчики оближешь. Ты кошек любишь?

– А что, мы будем кушать шашлык из кошки? – не на шутку перепугалась Яна.

– Глупенькая! – расхохотался Тимур. – Шашлык мы будем кушать из осетрины, тут есть одно местечко, где его превосходно готовят, «Фиалка» называется. А еще в Сокольниках по субботам и воскресеньям проходит выставка кошек. Там такие котята продаются – умереть можно! Посмотришь на них с полчаса и душой отходишь, особенно если настроение хреновое. Они такие маленькие, трогательные, беззащитные... Прямо взял бы всех и купил одним махом.

– Чего ж не покупаешь? – хмуро спросил Руслан. – Денег жалко?

– Были бы деньги, я бы их не жалел.

– Да ладно прибедняться, – не поверила Яна. – Можно подумать, у тебя лишних ста рублей не найдется.

– Сто рублей? – прищурился Тимур. – А сто долларов не хочешь? А то и сто пятьдесят.

– Сколько?! – ахнула Яна. – Это что же за кошки такие? Бриллиантовые, что ли?

Сто пятьдесят долларов – это же примерно четыре с половиной тысячи рублей! Яне такая сумма за какого-то паршивого котенка казалась просто невыносимой.

– Вот завтра начнем снимать в Сокольниках, я тебе все покажу, – загадочно произнес Тимур, продолжая соблазнять жену сценариста прелестями предстоящих развлечений. – Завтра как раз суббота, так что и шашлычка покушаем, и кошечек посмотрим. Ты в пинг-понг играешь?

– Играю.

– Я ракетки принесу, а ты оденься в спортивное, там столы есть, поиграем с тобой, если будет желание.

На следующий день, в субботу, девятого июня, Яна проснулась ни свет ни заря в самом радужном настроении, и Руслан понимал почему. Тимур обещал, что скучать ей не придется. К тому же сегодня Савенич не снимается, так что ревнивой супруге можно расслабиться.

– Ты чего? – удивленно спросил Руслан, увидев, что она достает из большой дорожной сумки кроссовки.

– Пока вы будете снимать, мы с Тимуром в пинг-понг поиграем, – беззаботно ответила Яна.

Ах да, пинг-понг. Водитель вчера что-то говорил об этом, но Руслан уже успел забыть.

– Опять с Тимуром? – нахмурился Руслан, и Яна с трудом сдержала торжествующую улыбку. Ничего, пусть поволнуется, не только ей одной от ревности себя изводить.

– А что такого? – она изобразила искреннее недоумение. – Чем он тебе не нравится? По моему, очень хороший парень.

– Не понимаю, что у вас может быть общего.

– А что у тебя общего с этой Савенич? – отпарировала Яна. – Ты журналист, кстати бывший, она – актриса. Ты из Кемерова, она коренная москвичка. Но вы же находите, о чем поболтать, вас друг от друга тягачом не оттащишь.

– Я тебе тысячу раз объяснял: мы с Ирой знакомы уже десять лет. Это совсем не то, что ты думаешь... – Руслан снова начал заводится, но сегодня Яну это не особо трогало. Такой чудесный день впереди!

Действие в романе и, соответственно, в фильме происходило частично в провинциальном маленьком городке, частично в столице. Городок этот снимали в Подмосковье, но для съемок некоторых сцен «на природе» вовсе не обязательно было выезжать за пределы Москвы, для них нашлись вполне подходящие места в московских парках. Все «лесные» эпизоды, например, планировали снимать в лесопарке Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в Сокольниках же собирались имитировать лесные полянки, опушки и берег озера, а также провинциальную городскую танцплощадку и придорожные кафе на открытом воздухе.

Съемочная группа появилась в парке, как обычно, с опозданием минут на сорок. Руслан и Яна приехали точно в назначенное время, в два часа дня, и к тому моменту, когда прибыл Тимур, Яна успела осмотреться на местности и убедиться, что скучно здесь и в самом деле не будет. Она даже нашла тот самый ресторан «Фиалка», о котором говорил водитель, и заглянула внутрь. Ничего особенного, никакого шика, да и народу нет, в большом зале – ни одного клиента, все столы пустые, видно, популярностью это заведение не пользуется. О своих сомнениях Яна тут же сообщила Тимуру.

– Что-то в твой хваленый ресторан народ не ломится, – скептически заявила она.

– Понимала бы что-нибудь, – усмехнулся он. – Народ к вечеру появится. В «Фиалке» такие личности бывают, перед которыми вся Москва на цыпочках ходит. Посмотришь, на каких машинах туда гости приезжают.

– На дорогих?

– Не то слово. Ну что, пойдем шарик покидаем?

Время летело незаметно. Они поиграли в пинг-понг, посидели в «Фиалке», где им подали действительно потрясающий шашлык из осетрины, потом Тимур повел Яну смотреть кошек. Вдоволь насмотревшись на пушистых, гладкошерстных и даже совсем лысых котят и их родителей, Яна поняла, что имел в виду ее новый знакомый, когда говорил, что здесь, на выставке, у него словно тяжесть с души спадает. Не зря, видно, считается, будто кошки принимают на себя отрицательную энергетику. На душе у Яны стало тепло и уютно, и даже мерзкие мысли об отношениях ее мужа с актрисой Ириной Савенич стали смутными и расплывчатыми и уже не отдавались во всем теле острыми болезненными уколами.

– А теперь что будем делать? – спросила она Тимура, с тихой радостью думая о том, что съемки сегодня по плану будут идти часов до двенадцати, а то и до часу ночи, и столько всего интересного и приятного может уместиться в оставшиеся часы... А когда стемнеет, ее прогулка с Тимуром станет совсем уж романтической. Интересно, как он себя поведет? Впрочем, как бы ни сложилось, она, Яна, возражать не станет. Кажется, он сказал, что Сокольники – его родной район. Что это означает? Что он здесь вырос? Или что живет где-то здесь неподалеку? А коль так, то, возможно, ему надоест болтаться по парку, и он рискнет пригласить Яну к себе на чашку кофе. Она, разумеется, не откажется. И если Тимур захочет воспользоваться ситуацией, это будет даже к лучшему. Может быть, хоть это отвлечет ее от постоянно грызущей ревности.

* * *

Отремонтированная и обставленная новой мебелью квартира казалась Насте Каменской игрушечной и ненастоящей, и она никак не могла привыкнуть к мысли о том, что здесь надо жить обычной жизнью, то есть стирать, убирать, готовить еду. Вообще привыкать за последний год ей пришлось ко многому, и, оглядываясь назад, Настя каждый раз с ужасом чувствовала, как растет и углубляется пропасть между прежней Настей и нынешней.

Началось все с мужа. Как-то неожиданно профессору Чистякову стали предлагать очень выгодные контракты на чтение курса лекций в Европе, Соединенных Штатах и Канаде, а также в Японии. Командировки следовали одна за другой с небольшими перерывами, в семье появились деньги, которые поначалу казались просто огромными. На эти деньги закончили наконец давно начатый и остановленный на полпути ремонт, купили мебель и технику, обзавелись мобильными телефонами. От таких перемен голова у Насти шла кругом, а тут еще и на работе беда: любимый начальник полковник Гордеев вышел на пенсию, ему исполнилось шестьдесят, и продлевать срок службы было уже нельзя. Некоторое время обязанности начальника отдела исполнял его заместитель Коротков, нового шефа все никак не присылали, и Настя почти полностью укрепила в своей надежде, что в конце концов именно Юрку Короткова и назначат на эту должность. С Гордеевым она проработала полтора десятка лет, и, как ни напрягала фантазию, не могла себе представить работу на этом месте под руководством кого-то другого. Хорошо бы Юрку назначили начальником, он, конечно, не такой мудрый, как Колобок-Гордеев, но все же Коротков – свой, привычный, с ним Настя не один пуд соли съела, десятки запутанных дел вместе размотали, десятки убийц вычислили и отловили. Юрка – ее друг, давний, добрый и надежный, под его начальством она с удовольствием будет работать.

Не успела Настя привыкнуть к этой мысли и смириться с потерей Колобка, как пришло известие: вот-вот личному составу второго отдела МУРа представят нового руководителя, и это будет отнюдь не подполковник Коротков.

– Тебе что-нибудь говорит фамилия Афанасьев? – спросил ее Коротков, жадно глотая горячий кофе, который по издавна сложившейся традиции обязательно пил по утрам в кабинете Каменской.

– Афанасьев? Распространенная фамилия, – осторожно ответила Настя, мысленно перебирая всех известных ей людей, носящих такую фамилию. – Ты кого-то конкретного имеешь в виду?

– Сорок пять лет, закончил юрфак МГУ одновременно с тобой, – уточнил Юра.

– Афоня?! Не может быть!

– Может, – спокойно подтвердил Коротков.

– Да нет же, Юра, тот Славка Афанасьев, который со мной учился, был из Калининграда, туда же и уехал. И вообще, он был такой раздолбай, из троек не вылезал.

– Подруга, между Калининградом и Москвой Берлинская стена не стоит и расстояние не миллион парсеков. А что касается учебы, так ты в университете отличницей была, а толку-то? – ехидно поддел он. – За двадцать лет любой человек меняется и в худшую сторону, и в лучшую.

Но Настя все еще не верила. Афоня станет ее начальником вместо Колобка? Да быть такого не может!

Но тем не менее это произошло. Полковника милиции Вячеслава Михайловича Афанасьева назначили начальником «убойного» отдела. Настю Каменскую он либо не вспомнил, либо не узнал, во всяком случае, общался с ней новый шеф точно так же, как со всеми остальными сотрудниками и ни разу не дал понять, что они раньше были знакомы. Настю это более чем устраивало: чем дальше от начальства, тем лучше. А то начнет еще, пользуясь старым знакомством, вербовать ее в свои сторонники и через нее пытаться навести в отделе новые порядки или собирать информацию о подчиненных. Еще чего не хватало!

Через пару недель ей пришлось признать, что Коротков был прав – за двадцать лет люди и в самом деле меняются до неузнаваемости. Сегодня в полковнике Афанасьеве трудно было заподозрить троечника Афонию, прогульщика, бузотера и любителя попить пиво вместо посещения лекции. Афанасьев производил впечатление крепкого профессионала. Но это был, конечно, не Колобок. Совсем не Колобок... И к этому тоже нужно было привыкать.

Одним словом, много нового случилось за последнее время в жизни Насти Каменской. Муж снова убыл за границу, его не будет дома целый месяц, и она, дабы отвлечься от нервирующей ее ситуации с новым начальником и новым обликом жилища, решила попробовать научиться готовить. Хоть как-нибудь и хоть что-нибудь. И психику успокаивает, и для дела полезно. Отныне как только у нее выдавались свободные полтора-два часа, она брала с полки одну из многочисленных Лешкиных кулинарных книг и пыталась освоить очередной рецепт. Нельзя сказать, чтобы у нее здорово получалось, но после нескольких экспериментов хотя бы в голове стало проясняться, по крайней мере Настя начала понимать, сколько и как нужно жарить лук, чтобы он приобретал золотистый оттенок, в чем заключается процесс пассерования и почему он необходим для приготовления различных соусов, в чем смысл просеивания муки через сито перед замешиванием теста и для чего нужно внимательно смотреть на часы, когда отвариваешь кальмаров для салата. «Господи, какой же он умный! – думала она каждый раз, пытаясь запихнуть в себя малосъедобный результат собственных кулинарных упражнений и с недоумением вспоминая, каким восхитительным вкусом обладало это же самое блюдо, когда его готовил Чистяков. – Как много всего он держит в голове и умеет! Мне никогда этому не научиться».

В это воскресное утро, десятого июня, Настя постановила освоить изделия из бездрожжевого слоеного теста. Можно было бы, конечно, и дрожжевым тестом заняться, но тогда пришлось бы идти в магазин за дрожжами, а идти ей было лень. Просеив муку, она сделала из нее горку, как было велено в книге, положила в углубление на вершине маргарин и принялась меланхолично рубить все вместе ножом «до получения однородной рассыпчатой массы», одновременно поглядывая на экран телевизора, висящего на стене на кронштейне. Это тоже было новшеством, раньше, до ремонта, у них был только один телевизор, который стоял в комнате, и Настя никак не могла привыкнуть к тому, что теперь можно одновременно есть и смотреть фильм или интересную программу, не бегая с тарелками и чашками из кухни в комнату и обратно. И даже ощущала особую прелесть в том, чтобы послушать новости за утренним кофе.

«Рассыпчатая масса» никак не желала делаться «однородной», комочки смешанной с маргарином муки все время оказывались разного размера, но Настю это не смущало. Времени впереди было достаточно, целый день, по телевизору шел хороший фильм, торопиться ей некуда, так что можно мерно стучать ножом по деревянной доске аж до финальных титров.

С размером комочков ей удалось справиться как раз к концу фильма, и Настя уже готовилась к очередному ответственному этапу – смешиванию «однородной массы» с уксусом,

когда тренькнул дверной звонок. На пороге возник Коротков, прикрывшийся от Настинных упреков выражением глубокой скорби на лице.

– Ты одна?

– Нет, с тремя любовниками, – сердито ответила она. – Что, сегодня городская телефонная станция бастует? Что за манера являться без звонка? Может, я не одета или вообще еще сплю. Или, к слову сказать, с любовником.

– А я не миллионер, в отличие от некоторых, – Коротков выразительно ткнул в нее пальцем, – у меня собственного мобильного нет, а у служебного батарейка села, я его всю ночь эксплуатировал. Уже в машине сидел, в контору ехать собирался, когда вдруг сообразил, что до тебя по прямой – десять минут езды. Вот и решил заехать кофейку выпить.

– И поесть? – уточнила Настя.

– Ну... если дашь, то не откажусь, само собой.

– Ладно, – вздохнула она, – проходи. Придется тебя кормить, начальник все-таки. А кстати, откуда ты, собственно говоря, ехал ко мне «по прямой»?

– Из парка «Сокольники».

– Понесло же тебя с утра пораньше, – пробормотала Настя, замешивая тесто.

– С ночи, если быть точным.

Она подозрительно посмотрела на Юру. Он опять допоздна торчал на работе, не ехал домой, чтобы не нарываться на очередной скандал с супругой. И конечно, поехал вместе с дежурной группой «на труп». Но если так, то у Короткова должны были быть все основания полагать, что этот труп может повиснуть на их отделе, поэтому лучше все узнать и посмотреть самому. На всякий случай. Так бывало уже не раз.

– Понятно, – протянула Настя. – И кого у нас в Сокольниках на этот раз замочили? Опять бомжей? Или бандюки друг друга постреляли перед сном, чтоб крепче спалось?

– Пальцем в небо, – фыркнул Юра. – Там вообще такой коллаж – волосы дыбом встают. Ты, кстати, сериалы по телику смотришь?

– Нет. А при чем тут сериалы?

– Серая ты, Каменская! Но хотя бы про режиссера Наталью Воронову слышала?

– Да не слышала я ни про какую Воронову! Что ты мне голову морочишь! – рассердилась Настя.

– Ну, короче, эта Воронова – известный режиссер, сняла уже два сериала, сейчас снимает третий. В аккурат в Сокольниках. Вчера поздно вечером убит водитель ее съемочной группы Теймураз Инджия, по предварительным прикидкам – член сокольнической преступной группировки.

– Ясно, – бросила Настя. Убийство члена преступной группировки ее мало интересовало, этим должно заниматься региональное управление по борьбе с организованной преступностью. Она поставила тесто в холодильник и критически оглядела имеющиеся продуктовые запасы. – Ты пирожки с чем хочешь, с мясом или с капустой?

– И с тем, и с другим, – быстро ответил Коротков, жадно блеснув голодными глазами. – А скоро будет готово?

– Нет, еще часа полтора как минимум. У меня пока все медленно идет, я же только учусь. И две начинки точно не осилю, так что выбирай одну какую-нибудь.

– Тогда с мясом. И дай бутербродик, а? А то я полтора часа не выживу, в последний раз ел вчера часов в семь вечера.

Настя быстро сделала ему бутерброд с сыром, свежим огурцом и листьями зеленого салата и приступила к приготовлению мясной начинки для пирожков.

– И за каким, извини, интересом тебе сдался этот водитель? – спросила она через некоторое время, когда Коротков сжевал бутерброд и снова обрел способность говорить. – Это же не наша епархия.

– Ну наконец-то! А я уж испугался, что ты все мозги в кулинарную науку направила и совсем нюх потеряла. Жду-жду, а ты все не спрашиваешь, как будто так и надо, чтобы я на труп братка очередного выезжал. Так вот, подруга, водителя съемочной группы убили, а жена сценариста, присутствовавшая на съемках, исчезла.

– Куда? – машинально спросила Настя, внимательно глядя на острое лезвие ножа, которым резала лук.

– А кто ж ее знает? Вот в этом весь фокус и состоит. Режиссер на месте, сценарист на месте, никуда не делись, а жена сценариста как сквозь землю провалилась. При этом, заметь себе, она никак не может быть связана с сокольнической группировкой, потому что она вообще не москвичка. Из Кемерова приехала, вместе с мужем. Пошла вместе с водителем в ближайшее кафе перекусить. А потом водителя, этого Инджия, обнаружили в виде трупа, а ее не обнаружили вообще. Так что готовься на всякий случай, не исключено, что завтра ты поймешь эту историю в виде служебного задания.

– Спасибо, – хмуро откликнулась Настя, – ты всегда приходишь в мой дом с приятными известиями и милыми сувенирами. И чего ты домой вчера не ушел, а?

Коротков некоторое время помолчал, потом поднял на Настю мгновенно потускневшие глаза:

– Я ушел. А потом вернулся.

– Зачем?

– Нужно же было куда-то из дома уйти. Я Ляльке сказал, что ухожу от нее. Интеллигентно выражаясь, попросил ее дать мне развод. Ты же знаешь Ляльку... После такого заявления оставаться дома я уже не мог. А к кому я пойду в десять вечера-то? Вот и вернулся в контору. И в Сокольники поперся, чтобы хоть чем-то заняться, делать что-нибудь. Понимаешь? К тебе вот пришел... Ты меня не выгоняй пока, ладно? Я что-нибудь придумаю, найду, где осесть, у меня уже есть идеи. Просто так внезапно все получилось, что я пути отхода не успел подготовить. Мне же, кроме тебя, податься не к кому, у всех семьи, дети.

Коротков опустил голову и горестно вздохнул. Настя молча погладила его по голове и вернулась к кулинарным забавам. Значит, не у нее одной происходят перемены в жизни. Вот и у Юрки тоже... Может, это полоса такая пошла?

Глава 2

И все-таки он появился. Не во время похорон Ани Симоновой, а гораздо позже, через полтора месяца. Выждал, когда пройдут сороковины, и появился в Камышове. К самой Клавдии, убитой горем матери, схоронившей обоих деток, не приходил, однако сделал многое, чтобы облегчить ей существование. К примеру, нанял бригаду мастеров, заплатил, назвавшись давним другом сына Клавдии Юрки Симонова, хорошие деньги, чтобы они в кратчайшие сроки привели в порядок дом и приусадебное хозяйство. Нашел в городе женщину – недавно вышедшего на пенсию врача – и договорился с ней, что та будет ежедневно присматривать за вмиг сдавшей Клавдией. Тоже денег дал немало, правда, выдал себя не за Юркиного друга, а за Анюткиного. С толстым кошельком наперевес сходил в городскую больницу и взял с главного врача слово, что ежели Клавдии Симоновой понадобится стационарное лечение, то все будет организовано по высшему разряду. Еще в кое-какие городские службы наведалься, долларами осыпал, чтобы вдова и осиротевшая мать ни в чем отказа не знала и никаких проблем не имела. Даже на кладбище сходил, заплатил за уход за могилой, где похоронены трое Симоновых. И в гранитной мастерской побывал, денег дал на новый памятник. И всюду, где бывал, произносил примерно одинаковые слова о том, что он, само собой, не местный, но если то, что им оплачено, выполнено не будет, то он узнает об этом сей же час, и расплата последует неминуемая и скорая. Говорил вежливо и негромко, но весьма и весьма убедительно.

Хозяева рецидивиста Шани узнали о загадочном незнакомце слишком поздно, дня через три после того, как он окончательно убыл из Камышова. Тут же послали в город своих людей, в том числе и Ирека. Сведения получили противоречивые. То есть все сходилось – и время приезда незнакомца, и время его отъезда, и куда ходил, и с кем встречался, и кому сколько и за что платил. Не сходилось одно: внешность. Как будто у него и вовсе никакого лица не было. Одни утверждали, что был он сух лицом и горбонос, похож на кавказца, только что не чернявый, другие – что рожа у него типично славянская и носик пуговкой, третьи же описывали таинственного графа Монте-Кристо как писаного красавца с правильными классическими чертами. Да и с прической не все ладилось, хотя цвет волос всеми опрошенными был указан как темно-русый, но одни говорили, что носит он их на косой пробор, другие же – что зачесывает назад.

Докладывать хозяину доверили Иреку – как-никак сын человека, приближенного к руководству, если что не так – ему меньше других достанется. Бывать в доме у хозяина Ирек любил и не любил одновременно. Любил – потому что кругом чувствовался запах денег, и запах этот сладко будоражил и обрисовывал главную цель жизни: заработать столько же, чтобы жить не хуже. А может, и лучше. Это было совсем не то же самое, что видеть роскошные особняки в кино или по телику. Те, экранные, особняки принадлежали ненастоящим героям, которых в жизни, может, и не было никогда, а этот, хозяйский, – вот он, его можно потрогать, ходить по нему, сидеть в кресле перед камином. Коль есть в России люди, которым это доступно, то почему он, Ирек, не может оказаться в их числе? А не любил он здесь бывать именно потому, что начинал остро ощущать свою мелкость и отставленность от всей этой роскоши на дальнюю-дальнюю дистанцию. Поручения хозяин обычно передавал через Шаню, а вот отчет всегда хотел выслушать лично. И каждый раз, приезжая с отчетом и переступая по ступенькам высокой лестницы, двумя полукруглыми сбегающей на землю, Ирек испытывал чувство вождения и униженности. Он страстно хотел такого же богатства и в то же время ясно понимал, что если оно и будет, то очень и очень не скоро, а то и вовсе никогда. Кто он? Пешка, шестерка, мальчишка на побегушках. И самое главное – он неудачник, невезучий и потому бесперспективный.

Ирек точно знал, что хозяин – не самый главный, что есть и поглавнее его, а значит, и побогаче. Того, главного, он никогда не видел и называл его про себя боссом, а этого – хозяи-

ном, хотя были у него не только имя и отчество, но даже и фамилия, и кликуха, или, как говорят в их среде, погоняло – Старпом. В отличие от Шанькина-старшего кличка хозяина была образована не от фамилии, а произошла от давнего случая, когда человек этот при расправе с нелояльными членами группировки поразил своих поделщиков неожиданной жестокостью и прямо-таки иезуитским коварством.

– Ты не человек, – одобрительно сказал тогда ему кто-то, – ты – дьявол.

– Так высоко я не замахиваюсь, – со скромной улыбкой ответил он. – Я, конечно, не дьявол, но я его старший помощник.

С тех пор и пошло – Старпом, старший помощник, значит.

– Гримируется, сука, – процедил сквозь зубы Старпом, выслушав доклад Ирека. – Рост и фигуру не спрячешь, поэтому их все описывают одинаково. А рожу и прическу меняет, как артист. Ну-ка давай еще раз по датам пройдемся.

Ирек снова открыл блокнотик. Первое появление зафиксировано в понедельник, двадцать восьмого мая. Далее – по дням и часам: куда, к кому, с какой просьбой. Последний визит – тридцать первого мая, в четверг, в десять утра. После десяти тридцати его в Камышове никто больше не видел.

– Жил он где? В частном секторе? С хозяевами поговорили? – нетерпеливо спросил Старпом.

– Он в Камышове не останавливался. Приезжал каждый день на машине, потом уезжал. Мы по ближайшим населенным пунктам пошустрили – ничего, видно, где-то вдалеке осел, – пояснил Ирек.

– Машина? – задал следующий короткий вопрос Старпом.

– Темно-синяя «Нива».

– Номер?

– Никто не записал. Ни к чему было, внимания не обратили.

– Неделовые контакты?

– Сведений нет, – Ирек старался отвечать коротко и точно, он знал, что хозяин не любит длинных фраз и бессмысленных слов, лишенных информационной нагрузки.

– Должны быть. – Взгляд Старпома стал тяжелым и словно придавил Ирека к месту. – Обязательно должны быть. Откуда он мог узнать про девчонку? Только от кого-то из местных. Кто-то держит его в курсе, кто-то из камышовских с ним общается. И тот, кого мы ищем, непременно должен был вступить с ним в контакт, когда приехал. Ты что-то упустил, парень, не все сведения собрал.

– Я выяснил все, что можно, – упрямо возразил Ирек. – Вы же сами видите, он очень осторожен. Даже внешность меняет. Не такой он дурак, чтобы идти в гости к своему приятелю, через час весь город будет об этом знать. Если такой приятель есть, то он, скорее всего, сам выезжал на встречу, куда-нибудь за пределы Камышова.

Ему было очень страшно, возражать хозяину – большой риск, но Ирек из всех сил боролся со своим клеймом неудачника, стараясь переломить привычный ход событий, в результате которого его снова не похвалят, а только укоризненно покачают головой, мол, сынок у Шани – как талисман невезения, куда его ни пошлешь – там всегда облом случается. И не оттого, что глупый или неумелый, просто судьбой так отмечен.

– Дело говоришь, – кивнул Старпом. – Отвык я от маленьких городков, не учел. А ты молодец, зубы показываешь, сразу не сдаешься. Значит, так. Поедешь в аэропорт, найдешь там Блинова, скажешь, что от меня с поручением. Он тебе поможет. Проверишь регистрацию на все московские рейсы, вылетевшие тридцать первого мая после полудня.

– А кого искать?

– Никого. Если бы я знал, кого искать, ты бы сейчас тут не сидел передо мной. Выпишешь всех мужчин с номерами паспортов. Принесешь сюда. Всё, парень, свободен.

* * *

С тестом Настя Каменская по неопытности промахнулась. Во-первых, оно оказалось слишком рассыпчатым, и слепленные ею пирожки с мясом разваливались прямо в руках. А во-вторых, его оказалось слишком много даже для оголодавшего Короткова, который в воскресенье съел сколько смог и еще с собой унес целый пакет, но все равно пирожков осталось больше, чем нужно для скромного ужина одинокой женщине. Самое обидное, что получились они вкусными, и выбрасывать было жалко.

В понедельник с утра Настя, давясь, впихнула в себя еще три пирожка, которыми до отвращения объелась накануне, и содрогнулась от ужаса, представив, что придется доедать их вечером. Даже самое вкусное блюдо нельзя есть в таких количествах без риска заработать идиосинкразию на много лет вперед! Нет, вечером она, пожалуй, этого уже не вынесет. Решительно завернув оставшиеся пирожки в пакет, она сунула их в большую сумку, чтобы угостить ребят на работе. Она свое отмучилась, теперь их очередь.

На утренней оперативке новый начальник заявил:

– Убийство в Сокольниках получило большой общественный резонанс. Все сегодняшние газеты пишут о продолжении войны между телеканалами. Высказывается мнение, что убийство водителя съемочной группы направлено на то, чтобы сорвать съемки и помешать созданию телесериала, который, как предполагается, будет иметь большой успех и, соответственно, значительно повысит рейтинг того канала, который будет его показывать. Скажу вам откровенно, мне такая постановка вопроса не совсем понятна, я считаю, что если бы хотели сорвать съемки, то убили бы ведущего актера или режиссера, а никак не водителя.

– Может, промахнулись, – подал голос кто-то из оперативников. – Хотели актера убить, но ошиблись или обознались.

– Резонно, – кивнул Афанасьев. – Именно поэтому нам необходимо подключиться к работе. Каменская, возьми это на себя. Свяжись с РУБОПом, пусть проверят убитого на причастность к какой-нибудь группировке. Если это обычная разборка, тогда они сами будут этим заниматься. Телевизионная версия остается за нами.

Настя мысленно поморщилась, она все еще не привыкла к манере нового начальника всем «тыкать». Одно дело – Гордеев, который своих подчиненных называл на «ты», и совсем другое – Афоня. Хотя почему другое? Логичного объяснения у нее не было. Почему Гордееву можно, а Афоне нельзя?

– Просто ты его не любишь, – засмеялся Коротков в ответ на ее в очередной раз озвученное недоумение. – И все, что он делает или говорит, кажется тебе неправильным. Слушай, у тебя пирожков не осталось?

Настя молча вынула из сумки пакет с пирожками и положила на стол:

– Ешь, солнце мое незаходящее, а то я на них уже смотреть не могу. И все равно у меня просто зуд какой-то критиковать Афюню.

– Ну-ну, давай, – подбодрил ее Юра, засовывая рассыпающийся пирожок целиком в рот. – А я послушаю.

– Вот зачем, например, он велел мне сделать запрос в РУБОП? Он что, считает, что на земле все полные идиоты? Ты мне еще вчера сказал, что есть информация о причастности убитого к сокольнической группировке, значит, ребята с территории первым делом этим вопросом поинтересовались. А Афоня считает, что только здесь, на Петровке, сидят люди, которые что-то понимают в раскрытии преступлений. Терпеть не могу этот высокомерный снобизм!

– Подруга, ты и права и не права одновременно. То, что я тебе вчера сказал, было неофициальной и непроверенной информацией, которая пришла ко мне вовсе не из РУБОПа. Но с другой стороны, опера, которые выехали на труп, этот вопрос обсуждали и запрос посылали

действительно собирались. Может, даже уже и ответ получили. Так что не кручинься раньше времени, сейчас позвоним ребятам в Сокольники и все узнаем. Если окажется, что это была банальная разборка, можешь вздохнуть свободно.

– А как же жена сценариста? Ты говорил, она пропала.

– Ну и что? – Коротков пожал плечами и потянулся за очередным пирожком. – Пропала и пропала. Может, она оказалась свидетелем, видела, кто и почему убил водителя, и ее забрали с места убийства, чтобы потом решить, как с ней поступить. Все равно на версию о разборке это не влияет. Ты слышала, что Афоня сказал? Ты подключаешься только в том случае, если это была не разборка. А если окажется, что это сокольниковские между собой или с кем-то другим отношения выясняли, то пусть на территории разматывают.

Слова Короткова прозвучали для Насти хоть и утешением, но слабым. В убийстве водителя Теймураза Инджия она не видела ничего для себя интересного. Вот если бы это был маньяк, само существование которого ежечасно и ежеминутно создавало угрозу для жизни новой жертвы – тогда другое дело. Тогда необходимо напрягать все силы, физические и умственные, чтобы спасти те жизни, которые еще можно спасти. А тут... «Что со мной? – испуганно одернула себя Настя. – Я никогда раньше так не думала. Раньше для меня любое убийство было преступлением, которое просто необходимо раскрыть. Любой ценой. Любыми усилиями. Неужели я настолько очерствела, что стала относиться к трупам людей как к сухим фактам, которые лично ко мне не имеют ни малейшего отношения? Или дело в Афоне? Мне не нравится новый начальник, поэтому я охладела к своей работе. Чисто бабский подход к делу. Кажется, прежде мне это было не свойственно. Старею, что ли? Человека убили, а я думаю только о том, как бы увернуться от работы по раскрытию преступления».

– Юра, может, мне пора уходить? – внезапно спросила она.

– Куда? – Коротков машинально посмотрел на часы, и Насте стало понятно, что он воспринял ее вопрос буквально: назначена деловая встреча, на которую она не хотела бы опаздывать.

– Вообще. Из розыска, – неуверенно пояснила она. – Без Колобка мне здесь нечего делать. Моя аналитическая работа теперь никому не нужна, а все остальное я делаю плохо.

– Не дури, – строго произнес Юра. – Ты все умеешь и все прекрасно делаешь. За последние пять лет мы с тобой на эту тему ругаемся с завидной регулярностью. Лучше бы ты мне пирожки пекла с такой же частотой, с какой высказываешь эти бредовые мысли. Толку больше было бы.

– Юра, я...

– Ничего не хочу слушать, – резко оборвал ее Коротков. Потом поднял на Настю полные тоски глаза: – Ася, я тебя прошу. Пожалуйста. Колька Селуянов ушел. Игорь Лесников ушел. Доценко женился и тоже поговаривает о переходе куда-нибудь, где побольше платят, ему теперь семью содержать надо, там, насколько я понял, уже ребеночек на подходе. В отделе один молодняк, мы с тобой единственные, кто проработал здесь больше десяти лет. Да и молодняк такой, что надежды мало, тоже все на сторону посматривает. За последние годы у нас больше полутора лет ни один опер не продержался, только-только начинает хоть что-то понимать в работе – и сбегает. Приходит новенький, которого мы начинаем учить, а он тоже уходит. И так без конца. Ася, пожалуйста. Ну хочешь, я на колени встану?

Настя его понимала. Каково это – быть заместителем начальника отдела, когда у тебя в подчинении нет ни одного сотрудника, на которого можно было бы полностью положиться, одни молодые неумехи, которые мало что знают и знать больше не стремятся, ибо не видят на этой работе своего будущего? Игорь Лесников ушел на повышение, в Главное управление уголовного розыска министерства. Колю Селуянова переманили в окружное управление замом по розыску. Ребят можно понять, им расти надо, подполковниками становиться, потом полковниками. Это Насте так повезло, что она на майорской должности сидит в звании подполковника,

но и то только потому, что она на целый год уходила в главк к Заточному, где и получила очередное звание, а потом вернулась на Петровку с двумя большими звездами на погонах и заняла прежнее место. И хоть до самой пенсии просидит она на этой должности, полковником никогда не станет, потому как «потолок» у старшего оперуполномоченного – майор, и ни миллиметром выше. Просто она не очень честолюбива и ради звания полковника милиции в лепешку расшибаться не собирается. А Игорь и Коля – нормальные мужики, их такое «болотное» состояние не устроит. У Мишеньки Доценко тоже свои комплексы, женился на Ирочке Миловановой, и все бы ничего, но у Ирочки есть весьма состоятельная родственница, она же следователь Татьяна Образцова, она же жена хорошо зарабатывающего частного детектива Владика Стасова, она же известная писательница Татьяна Томилина, получающая за свои книжки очень приличные гонорары. Ирочка привыкла жить, не считая денег, а Татьяна привыкла ее содержать. И для Миши совершенно неожиданно оказалась невыносимой ситуация, при которой Татьяна и Стасов постоянно помогают им деньгами. Он сам должен содержать свою семью. А на одну милицейскую зарплату не очень-то получается содержать неработающую жену с ребенком, старенькую маму с грошовой пенсией и себя, молодого сильного мужика, как минимум трижды в день испытывающего здоровое чувство голода. Вот и получилось, что сколоченный и обученный Колобком-Гордеевым костяк стал постепенно разваливаться, рассыпаться на кусочки. Как Настины вчерашние пирожки... Они с Юркой одни остались.

– Юр, а давай вместе уйдем, а? – предложила она. – Я все понимаю, я тебя здесь одного не брошу, даю слово. Но с другой стороны, зачем тебе оставаться с Афоней? И меня привязываешь, и сам мучаешься. Хочешь, я поговорю с Заточным? Наверняка у него найдется место для нас обоих.

– Аська, ты в облаках витаешь, – грустно усмехнулся Коротков. – Ну какой Заточный? Ты что, забыла, что у нас новый министр? Он пока еще своих замов перетряхивает, а как с назначением новых заместителей все уляжется, эти заместители начнут менять начальников главков. И где тогда окажется твой Заточный?

– Тоже верно, – вздохнула Настя, – я об этом как-то не подумала. Но в принципе-то ты готов уйти?

– Честно?

– Честно.

– Если честно – нет. Ася, я не мальчик, мне скоро пятьдесят стукнет...

– Еще не скоро, – с улыбкой перебила его Настя.

– Скорее, чем хотелось бы. У меня тридцать лет выслуги. Ты понимаешь, что это такое – тридцать лет службы? Как поступил после десятого класса в Омскую школу милиции, так и служу в ментовке. Много чего повидал, много чего умею. Я любил и продолжаю, как идиот, любить свою работу. Я родился для нее, я в нее вошел, как в хорошо сшитый костюм влез – мне удобно, комфортно, не жмет, не тянет. У меня два ранения, восемнадцать выговоров и хренова туча благодарностей и прочих поощрений. И что, на исходе пятого десятка признать, что прожил жизнь неправильно? Что любил то, чего не нужно было любить? Что много лет с потом и кровью учился, наработывал профессионализм и теперь умею то, что никому не нужно и никем не востребовано? Пойми, Аська, розыск – это моя жизнь. И другой у меня не будет. Во всяком случае, я не хочу, чтоб была. Мне не нужна никакая другая жизнь и другая работа. Поэтому я прошу: не уходи, помоги мне. Если можешь, конечно.

– А ты меня от Афони защитишь?

– Все, что смогу, – Юра прижал руку к сердцу. – Костями лягу между ним и тобой, чтобы он до тебя не дотянулся.

– Ладно, тогда иди звони насчет проверки убитого в РУБОПе. Кстати, ты нашел где жить?

– Пока нет... То есть я в принципе договорился, у меня приятель в Академии МВД работает, ему как иногороднему выделили квартиру в общежитии, а он недавно женился и живет

у жены. Квартира эта ему без надобности, но сейчас там какие-то его родственники обитают, в Москву за культурой, а заодно и за покупками приехали. Через неделю уедут, и я вселюсь. Мне вот только неделю эту перекантоваться где-нибудь... А, ладно, ерунда это все, на работе поночую, не рассыплюсь. Не впервой.

Настя с сочувствием посмотрела на него. Ну что ж это за жизнь такая, а? Человек тридцать лет честно отдал делу раскрытия преступлений, дважды был ранен, имеет бесчисленное количество поощрений, а вот решил уйти от жены – и деваться ему некуда. Так и будет скидаться по временно свободным хатам, которые предоставляют знакомые, потому что снимать квартиру – дорого, на это вся зарплата уйдет, даже на сигареты не останется, не говоря уже о еде, одежде, алиментах на сына и бензине для машины, которая, кстати сказать, настолько старенькая, что постоянно требует ремонта, а он, между прочим, тоже небесплатно делается. Ну что ж это за жизнь, которая сама толкает сыщика в широко раскрытые объятия криминальных структур, которая не шепчет – в голос кричит каждую минуту: плюнь на все, возьми деньги, сделай, как тебя просят, и живи без проблем!

– Хочешь, поживи у меня, – предложила она совершенно искренне. – У нас теперь гостевое место не на раскладушке, а на мягком диване.

– Хочу, – так же искренне ответил Коротков. – А я тебя не стесню?

– Да брось ты, – Настя весело махнула рукой, – ты ж сколько раз у меня ночевал. Зато будешь по утрам возить меня на работу на машине, как белую леди.

Через полчаса стало известно, что по учетам регионального управления по борьбе с организованной преступностью Теймураз Инджия не проходит, то есть полученная Коротковым информация о причастности водителя съёмочной группы к сокольнической преступной группировке оказалась недостоверной.

– Извини, подруга, – Коротков виновато развел руками, – я бы рад, но... Сама понимаешь. Ребята в Сокольниках уже в курсе, что мы подключаемся. Готовы рассказать тебе все, что знают.

– Да уж, – Настя скептически оглядела замначальника отдела, – на доброго вестника ты мало похож. Ну скажи хоть напоследок что-нибудь приятное, подсласти пилюльку-то.

– А ведет это дело следователь Гмыря, – торжественно объявил Юра. – Горячо тобою любимый Борис Витальевич.

– Ну слава богу, хоть здесь повезло, – Настя с облегчением вздохнула и отправилась в Сокольники.

* * *

Наталья Воронова милиции не боялась. Не то чтобы она была «крутой» и уверенной в своем могуществе особой, которая ничего не боится, потому что от всего и от всех откупится. Просто жизнь складывалась так, что посещать это государственное учреждение приходилось в свое время часто. Первый муж Натальи был моряком-подводником, служил в Западной Лице, и для приезда к нему требовался специальный пропуск в погранзону, который оформлялся именно в милиции. А ездила Наталья к нему каждый год на протяжении многих лет. Потом воспитанница, Иринка, соседка по коммунальной квартире, стала добавлять поводы для встреч Вороновой с милиционерами. Потом были документальный сериал о проблемах подростков и молодежи и полнометражные документальные фильмы «Законы стаи» и «Что такое хорошо и что такое плохо», для подготовки и съемки которых Наталье пришлось тесно общаться с представителями самых разных милицейских служб и провести немало времени в исправительно-трудовой колонии для несовершеннолетних. Так что в свои сорок шесть лет Наталья Александровна Воронова не испытывала ни малейшего душевного трепета ни перед самим

учреждением, ни перед его представителями. И тем не менее ей было не по себе. Беседа со следователем и дача показаний в качестве свидетеля – такое с ней случилось впервые.

– Наталья Александровна, вы можете как-нибудь прокомментировать сегодняшние публикации в некоторых газетах? – спросил следователь, представившийся Борисом Витальевичем, и положил перед ней две газеты, которые она уже читала сегодня утром. В одной был опубликован материал под названием «Война телеканалов продолжается», в другой заголовок еще покруче: «Убит водитель. Кто следующий?»

Несмотря на внутренний неуют и неостывшие еще впечатления от произошедшего поздним вечером в субботу, Наталья не смогла удержаться от усмешки.

– Да бог с вами, Борис Витальевич, разве можно к этому относиться серьезно? Это же полный бред!

– Поконкретнее, пожалуйста. Есть ли у вас хотя бы малейшие основания полагать, что кто-то заинтересован в срыве съемок? Есть хоть один человек в нашей стране, который хотел бы, чтобы вы никогда не сняли свой новый сериал?

– Ну, если вы так ставите вопрос, то я вынуждена ответить утвердительно. Наверняка есть.

– Вы можете назвать имена?

– Борис Витальевич, я здравый человек и отдаю себе отчет в том, что живу среди людей. Понимаете? Среди самых разных людей с самыми разными мыслями и чувствами, а не среди ангелов, которые всех любят и которым неведомы злоба и ненависть. И глупо было бы полагать, что все ко мне хорошо относятся. Есть люди, которым я просто несимпатична, и они искренне порадовались бы каждой моей неудаче. Есть, наверное, даже такие, которые меня ненавидят, потому что считают, что я где-то в чем-то перешла им дорогу или помешала. И есть такие, которые мне завидуют, потому что полагают, что мне все в жизни далось легко и просто. Но я в этом смысле не исключение, то же самое можно сказать про каждого из нас. И про вас в том числе.

– Ну, про меня-то так сказать – святое дело, – широко улыбнулся следователь. – Трудно предположить, что те, кого я отправил в суд, питают ко мне страстную любовь. Но вы все-таки не следователь. А потому давайте остановимся для начала на тех, кто вас ненавидит. Так кому и в чем вы перешли дорогу, Наталья Александровна?

Она не ожидала, что он поймет ее так буквально, и растерялась.

– Мне кажется, для того, чтобы убить человека только ради срыва съемок, ненависть должна быть уж очень... – она искала слово, ничего подходящего не нашла и употребила первое пришедшее в голову, – очень масштабной. А мозги очень маленькими. Убийство водителя не может сорвать всю съемку сериала. Оно внесет сумятицу, нервное напряжение, члены съемочной группы вынуждены будут тратить нервы и время на общение с сотрудниками уголовного розыска и со следователем, работа будет скомкана и затормозится, но это только на время. Пройдет максимум месяц – и все пойдет своим чередом. Сериал все равно будет сниматься. А на место убитого Тимура будет взят новый водитель, только и всего. Я понимаю, это звучит довольно цинично, но я хочу, чтобы вы поняли всю бесперспективность вашей странной версии.

– Она не странная, уважаемая Наталья Александровна. Представьте себе на минуту, что убит не водитель, а ведущий актер. Что тогда?

– Что тогда? Тогда, конечно, тяжелее. Но если оставить за рамками обсуждения чисто человеческий аспект проблемы, связанный с утратой чьей-то жизни, то тоже не катастрофа. Съемки идут всего три недели, и если из команды по какой-то причине выбывает актер, можно за три-четыре дня переснять все сцены с его участием, пригласив другого актера на эту же роль. Конечно, это время, это деньги, это лишняя нервотрепка, кроме того, сценарий пишется прямо по ходу съемок под конкретного исполнителя, так что сценарий тоже придется в чем-то

менять. Но и это не катастрофа. Если уж срывать съемки посредством убийства актера, играющего главную роль, то делать это нужно ближе к концу, когда почти все уже снято, но именно ПОЧТИ, то есть осталось еще достаточно сцен с его участием и без него никак не обойтись. Вот тогда действительно встанет вопрос о пересъемке всех эпизодов с новым актером и с самого начала. На это уже нужны будут очень большие дополнительные деньги, и финансовые трудности могут полностью заблокировать окончание работы над сериалом.

– Интересно, – промычал следователь, выслушав ее объяснения. – Давайте затронем финансовый вопрос. Вот вы сказали, что если бы ведущего актера убили сейчас, все равно понадобилось бы дополнительное финансирование, чтобы переснять уже отснятые эпизоды с новым актером. Где бы вы взяли эти деньги?

– Из общего бюджета картины.

– И что, это прошло бы без последствий? Я имею в виду, картина не пострадала бы?

– Конечно, пострадала бы. Пришлось бы урезать себя в чем-то другом, например в костюмах, в съемках городской природы – в Москве это ужасно дорого. В массовке. Даже в хороших актерах. Знаете, я люблю, чтобы в маленьких эпизодах у меня снимались звезды, но съемочный день звезды стоит больших денег. Пришлось бы в эпизодах занимать более дешевых актеров, малоизвестных или совсем неизвестных. Это пошло бы во вред картине.

– Правильно ли я вас понял? Если бы сегодня убили актера, играющего главную роль в вашем сериале, то сериал все равно был бы снят, но качество его было бы заметно ниже. Так?

– Вероятно, так. Мне трудно сказать совершенно точно, поскольку я в таких ситуациях не бывала... Да, пожалуй, так, но при одном условии: если бы у нас не было дополнительных денег.

– А они у вас есть?

– Они могут появиться. Например, источник финансирования может войти в наше положение и выделить дополнительные средства, хотя это крайне маловероятно, но теоретически возможно. А можно взять деньги в другом месте.

– В каком же?

– Да в любом. У любого спонсора. У моего мужа, например.

Судя по изумлению, мелькнувшему в глазах следователя, он совершенно не представлял себе, на какие деньги Наталья Воронова снимает свое кино. Пришлось и об этом подробно рассказывать.

– Так что видите сами, Борис Витальевич, если я не смогу снять сериал, то ни один телеканал серьезно не пострадает, поскольку никто, кроме моего мужа, пока еще не вложил в съемки ни копейки.

– Да-а, – протянул Борис Витальевич, – озадачили вы меня, Наталья Александровна. Интересно, а журналисты, которые это написали, – он ткнул пальцем в лежащие на столе газеты, – они вообще в курсе, на какие деньги вы снимаете кино?

– Вообще в курсе, так как я этого ни от кого не скрываю. У меня пару раз брали интервью, как только начались съемки, и я об этом говорила. Но это совершенно не означает, что теперь все всё знают. Вот вы же, например, не знали. Журналисты вообще очень часто не знают того, что написано во всех газетах, а уж если всего только в двух... Их нельзя в этом винить, они не могут читать все издания от корки до корки, они ведь не читатели, а писатели, – Наталья улыбнулась.

Они еще какое-то время поговорили о механизме финансирования съемок и об их организации, когда Борис Витальевич неожиданно и резко свернул совсем в другую сторону:

– Наталья Александровна, что вы можете мне рассказать о взаимоотношениях вашего сценариста Нильского с женой?

* * *

Люба с удовольствием оглядела свое отражение в большом, в полный рост, зеркале в ванной. Ни единого дефекта, даже самый предвзятый ценитель не смог бы найти недостатки в ее фигуре. И лицо, и волосы – все вместе так и просится на обложку журнала. Мужики штабелями вокруг падают от такой красоты. И Эдик, казалось бы, тоже от нее без ума, во всяком случае, до недавнего времени она была в этом уверена на все сто. И вдруг эта поездка... Ни с того ни с сего взял и уехал в Кемерово на несколько дней. Что он там забыл? Чего не видел? Несет какую-то бредятину насчет женщины, которая потеряла всю семью и которой непременно надо помочь. Что за женщина, кто она такая? С того дня, как Эдик вернулся из поездки, Люба только об этом и думает. Может, и вправду все дело в женщине, только не в одинокой и нуждающейся в помощи, а совсем-совсем в другой, молодой и красивой, еще моложе и красивее, чем она сама. Почти две недели Люба пристально вглядывается в своего возлюбленного, ища в его поведении признаки увлеченности неведомой соперницей, ничего определенного не находит и от этого только еще больше злится и нервничает. А Эдик ведет себя как ни в чем не бывало, шутит, смеется, ходит на работу, занимается с ней любовью, с удовольствием ест приготовленные ею завтраки, когда остается ночевать. Может, все не так страшно? Ну, увлекся, загорелся – с кем не бывает? Слетал к своей зазнобе на несколько дней, накушался ею досыта и понял, что лучше Любы для него никого нет. Хорошо бы, если так. А если нет?

Девушка умылась, тщательно расчесала густые, до плеч, волосы, подняла высоко на макушку и скрепила заколкой – Эдику нравится, когда полностью открыта длинная стройная шея. Слегка подкрасила ресницы – совсем чуть-чуть, чтобы даже догадаться невозможно было, что она делала макияж. Только глаза оттенить. Надела красивую шелковую пижаму и направилась на кухню варить кофе, но не удержалась и снова вернулась в спальню. Только на одну минуточку. Только посмотреть на него. Посмотреть, как он спит легким утренним сном, когда уже и будильник, поставленный Любой на семь часов, прозвенел, и солнце сквозь неплотно задернутые шторы заливает светом как раз ту часть кровати, где находится голова Эдика. Господи, как же она его любит! И его темно-русые волосы, и смешливые серые глаза, и широкие плечи, и узкие бедра, и длинные ноги. И даже короткие редкие ресницы на верхнем веке. Такие забавные...

Лицо Эдика чуть дрогнуло, с сожалением прощаясь с остатками сна, глаза открылись.

– Ты чего? – вяло спросил он, увидев стоящую в дверях Любу.

– Ничего. Просто смотрю.

– Зачем?

– Так просто. Смотрю, и все. Радуюсь, что ты у меня есть.

– Не выдумывай.

Он совсем не склонен к романтике и даже не особенно ласковый. Но это Люба тоже в нем любит. Только бы он не бросил ее, только бы не влюбился в другую.

– Что ты хочешь на завтрак?

– Как обычно, мюсли с молоком. Что ты каждый раз спрашиваешь? Я всегда ем на завтрак одно и то же.

Она не обиделась, Эдик всегда немного грубоват, она уже привыкла. Пока он брился и принимал душ, Люба сварила кофе, насыпала в глубокую тарелку мюсли из пакета, налила слегка подогретое молоко. Остатки молока еще немного подержала на огне и залила ими овсяные хлопья с изюмом – ее завтрак.

– Тебе к которому часу на работу? – спросила она осторожно, понимая, что сейчас может последовать очередной взрыв недовольства: Эдик либо ходил к десяти утра, либо не ходил

вообще. Он работал официантом по графику «три через три» – три дня работал, три дня отдыхал. Вчера у него был выходной, третий по счету, стало быть, сегодня надо идти в ресторан.

Люба и сама не знала, зачем задала вопрос, имеющий совершенно очевидный ответ. Наверное, чтобы прервать молчание, которое неожиданно стало ее тяготить. Как странно! Эдик никогда не был особо разговорчивым, а уж за едой и вовсе предпочитал помалкивать, и Люба всегда принимала это как должное. Он так устроен, такой уж у него характер. Но теперь, после внезапной и какой-то непонятной поездки в Кемерово, ей все время было тревожно и постоянно хотелось получать доказательства того, что Эдик по-прежнему принадлежит ей. Ей одной, и больше никому. В качестве подобного доказательства выступало все, любая мелочь, даже банальный обмен репликами. Даже просто тот факт, что он разговаривает с ней. Девушка понимала, что ведет себя глупо, но поделать ничего не могла. Это было выше ее сил.

Однако Эдик ее вопрос проигнорировал, продолжая вычерпывать ложкой из тарелки мюсли с молоком. Люба решила повторить попытку завязать разговор.

– Эдинька, а та женщина, к которой ты ездил...

– Что? – он поднял голову и недовольно посмотрел на нее. – Что женщина? Ты опять? Я же тебе все объяснил! Сколько можно, в конце концов!

– Не сердись, – торопливо заговорила Люба. – Я только хотела спросить: тебе нужно будет еще к ней ездить?

– Зачем?

– Ну я не знаю... Опять помочь чем-нибудь, проверить, все ли в порядке.

– Не знаю, может быть, – неопределенно ответил Эдик. – А почему ты спросила?

– Я подумала, может быть, мне есть смысл съездить с тобой? Вдвоем всегда проще проблемы решать. И вообще...

– Что – вообще?

– И тебе не скучно будет.

– Мне никогда не бывает скучно, – отрезал он, отодвигая пустую тарелку.

– А я без тебя тоскую, – призналась девушка. – Когда тебя нет, я сама не своя. Возьмешь меня с собой в следующий раз?

– Не знаю. Там видно будет.

Сердце у Любы тревожно заныло. Неужели ее самые худшие предположения оказываются правильными? У него в Кемерове женщина. И он собирается снова к ней ехать. А Любу бросит. Господи, подскажи, научи, дай силы сделать так, чтобы этого не случилось!

Глава 3

Работать со следователем Гмырей Настя Каменская любила. Борис Витальевич когда-то сам был оперативником, посему проблемы и трудности сыщицкой жизни знал не понаслышке и относился к ним с пониманием. И никогда не делал кислую мину, если розыскники приносили ему информацию, добытую со всеми мыслимыми и немыслимыми нарушениями закона, а садился вместе с ними за стол и начинал придумывать, как бы придать этим сведениям вполне приличный вид.

– Что-то ты подозрительно хорошо выглядишь, – заявил Борис Витальевич, едва Настя переступила порог его кабинета. – Влюбилась, что ли?

– Никак нет, ваше благородие, – шутливо откликнулась она. – Просто вы меня давно не видели и успели основательно забыть.

– Ну да, тебя забудешь, как же. Садись, рассказывай.

– Да нет уж, это вы рассказывайте. Вы же в деле с самого начала, а все, что мне ребята из Сокольников поведали, вы и сами знаете. Ни к сокольнической, ни к какой-либо другой группировке наш убиенный никакого отношения не имеет, то есть это была не разборка. Что у вас осталось?

– Много чего. Во-первых, то, о чем написали газеты. Я сегодня имел подробную беседу с мадам Вороновой, режиссером сериала, она меня кое в чем просветила, но мало в чем убедила. Так что версию убийства с целью срыва съемок пока оставляем как первоочередную. Далее у нас по списку следует... что?

– Шантаж, – быстро подсказала Настя. – Жenu сценариста могли похитить, поскольку она стала свидетелем, а могли и с целью шантажа. Тогда убийство водителя пойдет как устранение помехи к похищению.

– Молодец, – одобрительно кивнул Гмыря. – Цель шантажа?

– Прекращение съемок, например. Или вымогательство денег. Только у кого?

– Да у Вороновой, у кого же еще. У нее муж – богатый бизнесмен, у него своя фирма, «Центромедпрепарат» называется. Денег – куры не клюют. Воронова свое кино на эти деньги снимает, между прочим.

Настя не удержалась и присвистнула. Вот это да!

– Богатый муж – это, конечно, здорово, но все равно как-то смутно... У Вороновой дети есть?

– Двое.

– Тогда проще было похитить ребенка, ради ребенка уж она точно раскошелилась бы. А тут жена сценариста. Десятая вода на киселе.

– Не совсем так, Настасья, – покачал головой Гмыря. – Дети у Вороновой – здоровые лбы, в недавнем прошлом – спортсмены, много лет серьезно занимались плаванием. Одному двадцать один год, другому двадцать вот-вот исполнится. Таких под мышку не схватишь и втихаря не унесешь.

– А жена сценариста?

– Жена сценариста, жена сценариста, – запел следователь на мотив популярной в далеком прошлом песни о березовом соке и вытащил из папки какой-то листок. – Жена сценариста у нас Нильская Яна Геннадьевна, двадцати семи лет от роду, рост один метр пятьдесят один сантиметр, вес сорок два килограмма.

– Да, – протянула Настя, – такая кроха может физическое сопротивление только комару оказать. И то нет гарантий, что успешно. И что, Воронова с этим сценаристом шибко сильно дружит? Так сильно, что даст деньги на выкуп его жены?

– Говорит, что даст. Но я не верю. И потом, Воронова может говорить что угодно, но деньги-то в любом случае должен будет давать ее муж, а не она сама. Вот и возникает вопрос: если Яну Геннадьевну похитили с целью вымогательства, откуда у преступника такая уверенность, что господин... господин... – Гмыря снова заглянул в свои записи, – господин Ганелин, муж нашей мадам режиссерши, даст деньги. Потому как больше взять их неоткуда, сам сценарист Нильский никаких сбережений не имеет и выкупить супругу не сможет.

– А гонорар? – удивилась Настя. – Он же должен был получить гонорар за сценарий. Насколько я знаю, это очень приличные деньги. Тысячи две – две с половиной долларов за серию. Сколько предполагалось серий?

– Тридцать с чем-то, так, во всяком случае, утверждает Воронова.

– Вот видите, – торжествуя улынулась она, – по самым скромным подсчетам, Нильский должен иметь не меньше шестидесяти тысяч долларов.

– Ничего я не вижу, – проворчал Борис Витальевич, – потому что Нильский гонорара не получал.

– То есть как? Почему?

– Потому что. Там сложная схема выплат... И готовых сценариев нет. Короче, со слов Вороновой выходит, что съемки фильма начались на средства ее мужа, но телеканал обещал подключиться к финансированию попозже, когда получит деньги из бюджета на следующий год. Вот из этих денег Нильскому и будет выплачен гонорар в полном объеме. А пока он получил совсем немножко рубликов, чтобы было на что жить в Москве и с голоду не опухнуть. Но это все, конечно, надо проверять. Идем дальше. Если у Нильского денег нет, остается муж мадам. Надо выяснить, не связывают ли его с похищенной Яной Геннадьевной какие-то особые отношения, и если да, то кто мог об этом знать. Если преступник имел в виду именно его карман, то откуда у него уверенность, что сей карман широко откроется ради крошки Яны? Сечешь?

Настя молча кивнула. Дело об убийстве водителя теперь не выглядело для нее скучным.

– Смотрим дальше, – продолжал между тем следователь. – Предположим, преступник все-таки имел цель сорвать съемки, хотя мадам три часа с пеной у рта убеждала меня в том, что этого быть не может. Но ты же знаешь, Настасья, меня убедить трудно, где на меня сядешь – там и слезешь. Допустим, Воронова со слезами, истериками и угрозами развода или самоубийства выклянчила у своего богатенького муженька деньги на съемки. Понятное дело, что он их не вынул из кошелька и не положил перед ней на стол. Он частями, по мере необходимости, переводит эти деньги на счет съемочной группы. Так вот, где гарантия, что, столкнувшись с такой неприятностью, как убийство на съемочной площадке, он не прекратит финансирование очередной блажи своей супружницы? А если уж он совсем не хотел давать деньги, но пытался сохранить лицо перед мадам, тогда он просто воспользуется убийством водителя, чтобы свернуть проект. И не даст больше ни гроша. Дескать, не судьба, небеса против и всякая такая дребедень. Из этого следует что?

– Из этого следует, что либо убийца точно знал, что так и будет, и съемки прекратятся, либо все это организовал сам муж Вороновой. И получается, что он... как его фамилия?

– Ганелин, – подсказал Борис Витальевич. – И получается, что господин Ганелин становится у нас с вами центральной фигурой. И по версии о похищении, и по версии о срыве съемок, – закончила Настя.

Да, любопытно все складывается... Начали с убийства водителя съемочной группы, а закончили крупным бизнесменом.

– А если все-таки водителя убили потому, что хотели убить именно его? – спросила она осторожно. – Ну и что, что он не связан с криминальной группировкой. Во-первых, это еще не факт, в РУБОПе тоже не боги сидят, они не могут знать все и обо всех. Просто он им на

заметку еще не попадался. А во-вторых, можно подумать, что, кроме разборок, нет других причин для убийства.

– А что, разве есть? – невинно осведомился Гмыря.

– Да хоть та же ревность.

– О! Вот тут ты в самую точку попала, – довольно засмеялся Борис Витальевич. – А знаешь ли ты, Настасья, что похищенная Яна Геннадьевна отчаянно флиртовала с невинно убиенным Теймуразом Инджия?

– Мне в Сокольниках что-то говорили об этом, но как-то неуверенно. Вроде бы жена сценариста весь съемочный день не сидела на площадке, а гуляла по парку в обществе водителя. Вы это называете отчаянным флиртом? – с сомнением произнесла Настя.

– И этот съемочный день, и все предыдущие они постоянно общались, отлучались куда-то, вместе ходили обедать и пить кофе. А если водителя посылали с поручением, наша кроха ездила вместе с ним. Скажу тебе больше: в вечер убийства, незадолго до того, как все случилось, у сценариста Нильского случился весьма неприятный разговор с супругой на повышенных тонах. У тех, кто слышал этот разговор, создалось впечатление, что они поссорились. Причем крупно.

– Думаете, Нильский мог убить водителя из ревности?

– Да запросто. Почему нет?

– А где же тогда Яна? Ее ведь похитили. Тоже из ревности, что ли?

– Дорогая моя, а кто тебе, собственно, сказал, что Яну Геннадьевну похитили? – задал неожиданный вопрос Гмыря.

– Как кто? Коротков, еще в воскресенье. А теперь вы то же самое сказали.

– А ты, дурочка, и поверила. Эх, Настасья, учить тебя еще и учить. Она пропала, понимаешь? Пропала. И ее нигде не нашли. Может быть, ее и в самом деле похитили. А может быть, она сама ушла. Поссорилась с мужем и ушла куда глаза глядят. И ни о каком убийстве водителя знать не знает. Нашла где переночевать, сидит там и дуется на своего благоверного, ждет, когда он наволнуется властью и поймет, какая она чудесная и как он без нее жить не может. Типично бабский ход. А может быть, ее тоже убили.

– Где же труп в таком случае? – резонно спросила Настя.

– Где-нибудь лежит. Найдется рано или поздно. Теперь смотри, у нас есть три варианта объяснения, куда девалась Яна Нильская. Из них два не исключают убийства водителя из ревности. Значит – что?

– Значит, сценарист, – вздохнула Настя. – Его тоже надо разрабатывать. Но ведь и у убитого водителя могла найтись дамочка, которая его приревновала бы. И тоже могла организовать убийство либо его одного, либо обоих.

– Могла, – согласился Гмыря. – Короче, работы – непочатый край. В воскресенье этим делом занимался дежурный следователь, сегодня утром я принял его к производству. Сегодня, как ты помнишь, тоже выходной, и завтра у нас день нерабочий, то есть до самой среды, до тринадцатого июня, дело будет валяться без всякой пользы для общества и без малейшего движения. А к тринадцатому уж все следы простынут. Вы же, сыщики так называемые, ничего толкового не можете сделать без моего мудрого процессуального руководства, верно? Все, что можно будет запороть, – запорете непременно, а то, что испортить нельзя, приведете в полную негодность. Ладно, шучу, шучу, не кривись, это у меня юмор такой на фоне выходного дня. Поэтому я сегодня уже связался с руководством и договорился, чтобы дело оставили у меня. Спросишь, зачем мне это надо? Отвечаю: хочу уйти на повышение и набираю очки в свою пользу. Но тебе это ни к чему, это мои проблемы. Сыщики с территории работают версии, где центральной фигурой является сам потерпевший, изучают его связи, смотрят, не было ли там конфликтов или еще каких причин для убийства. Тебе это интересно?

– Не-а, – помотала головой Настя. – Сколько лет потерпевшему?

– Двадцать пять.

– Стало быть, его окружение – из молодых. Я с таким материалом не совладаю. Мне бы что посolidнее, тем более новый начальник требует, чтобы я занималась версией о срыве съемок.

– Вот и ладушки, – согласился Борис Витальевич. – Значит, Настасья, в первую очередь ты мне собери сведения о том, насколько близки супруги Нильские с семьей Вороновой. И конкретно: насколько близка пропавшая Яна Нильская с богатым мужем нашей мадам. Ну и все вокруг этого. Дальше: я хочу знать, насколько охотно муж дал деньги Вороновой на съемки. Подозреваю, что он при этом скрипел зубами и клял все на свете, но хочу знать точно. И последнее: сценарист Нильский живет в квартире без телефона, мобильного у него нет, так что позвонить лично ему похитители не смогут. Это в том случае, конечно, если Яну похитили с целью вымогательства. Либо они подбросят ему письменное сообщение на адрес, либо будут звонить кому-то из его окружения. Скорее всего, самой мадам Вороновой или ее мужу. На адресе человек должен находиться круглосуточно. А ты крутись возле Вороновой. Чуть что – звони немедленно.

– Да ладно, не маленькая, – улыбнулась Настя.

* * *

Ирина Савенич на цыпочках прошла из комнаты в кухню, притворила за собой дверь, налила в электрический чайник воду, нажала кнопку. Наконец-то Руслан задремал, впервые почти за двое суток прикрыл глаза и расслабился. Пусть отдохнет, она постарается ему не мешать. Бедный парень, надо же такой напасти случиться! Жена пропала. А паренек-водитель, с которым она ушла выпить кофе, убит. Кошмар какой-то! Вообще-то Яна Нильская Ире была совершенно несимпатична, но в такой ситуации разве имеют значение всякие вкусовые глупости? Где сейчас эта маленькая Янка? Ее похитили и держат в каком-нибудь темном подвале, может быть, пытаются и истязают, но только зачем? Что от нее хотят? И почему до сих пор никто не объявился, не позвонил и не сказал о своих требованиях? Не знают, как найти Руслана, потому что у него нет телефона? Глупости, Янка прекрасно знает адрес. И потом, она знает телефоны и Натальи, и Иры, звонила им неоднократно. Если похитители захотят связаться с Русланом, они сообразят, как это сделать. Но зачем, зачем? От Янки они ничего не могут хотеть, она обычная портниха, никакими особыми сведениями не располагает. И денег у нее нет. Значит, они хотят чего-то от самого Руслана. Он в прошлом журналист, много про кого всяких сведений насобирает. Может, в этом все дело? Но ведь он уже больше года не работает в газете, вообще из журналистики ушел, сидел дома и роман писал. Ни в каких серьезных делах участия не принимал, никаких журналистских расследований не вел. Кому он может быть интересен? Кому-то, наверное, интересен, раз Янку похитили. Но почему же они не звонят? Господи, хоть бы объявились уже скорее, представили доказательства, что маленькая Янка жива-здорова, тогда можно было бы вздохнуть свободно. А они все не звонят...

Вода в чайнике закипела, Ира достала чашку, бросила в нее пакетик французского чая с васильками и с сожалением отметила, что коробка быстро пустеет. Она купила этот чай в Париже месяц назад, когда ездила на майские праздники отдыхать вместе с Натальей и всем ее семейством. Чай ей очень понравился, и теперь Ира корила себя за то, что купила всего две упаковки. Как ни эконошь, а все равно скоро закончится. После того, что случилось в субботу, было решено не оставлять Руслана одного, пока ситуация с его женой не разъяснится. И Ира на правах старой знакомой взяла это на себя. Заскочила домой, побросала в сумку самое необходимое – туалетные принадлежности, косметику, таблетки от аллергии, коробочку с заменителем сахара, смену одежды, зарядное устройство для мобильного телефона. И чай свой любимый прихватила. Руслана жалко – просто до спазмов в горле. Плохо еще, что он совсем не пьет,

привычки такой не имеет. То есть рюмку поднять может, когда за общим столом сидит, но не о рюмке сейчас речь, а о том, чтобы выпить как следует и снять напряжение, расслабиться, отключиться. А Руслан не умеет. Не приучен. Всю ночь с субботы на воскресенье он провел в милиции, где его по двадцать раз спрашивали об одном и том же, потом Ира отвезла его сюда, в квартиру Наташиного сына, и сидит с ним, ждет у моря погоды. В воскресенье сюда милиционеры приезжали, опять терзали Руслана вопросами, мол, нет ли у его жены знакомых в Москве, да не могла ли она обидеться на него и уйти к ним, да не угрожали ли ему, не требовали ли чего, и все в таком духе. Потом снова наступила ночь, но у Руслана сна ни в одном глазу, то мечется по квартире, то сидит неподвижно, раскачиваясь и обхватив руками голову, то вдруг начинает говорить без остановки. И Ира не спит, успокаивает, как может, утешает, строит оптимистичные прогнозы. Только толку-то от всего этого – чуть с каплей. Сегодня утром она не выдержала и заснула, часа два проспала, а Руслан так глаз и не сомкнул. Слава богу, хоть к вечеру задремал. А телефон все молчит...

Ира не выдержала, достала сотовый телефон, набрала номер Натальи.

– Ну что? – вполголоса спросила она, стараясь говорить потише.

– Ничего. А у вас там как?

– И у нас ничего. Натуля, почему они не звонят? Чего ждут?

– Может быть, выжидают, когда Руслан рассудок потеряет от волнения. Надеются, что он станет сговорчивее. А может быть, Яну и в самом деле никто не похищал. Ты же знаешь, они поссорились в субботу вечером...

– Так куда она могла деться? – Ира не заметила, как повысила голос. – У нее в Москве никого нет, кроме нас. Ни одной знакомой души. Она здесь никогда раньше не бывала. Милиционеры сказали, что проверили все гостиницы – ее нигде нет. Так где она, если ее не похитили? Мы тут уже самое плохое думаем...

– Что ты имеешь в виду? – строго спросила Наталья.

– Что Янки вообще уже... ну, что ее нет, – выдавила Ирина.

– Это кому из вас пришла в голову такая мысль?

– Руслану... Он уже чего только не передумал. И что она с любовником сбежала. И что ее убили. И что у нее внезапно сделалось умственное помешательство, она забыла, кто она, где живет, зачем здесь находится. Бродит где-нибудь по Москве и не знает, куда идти. Натуля, как ты думаешь, ее ищут? Или так только, видимость создают?

– Ириша, возьми себя в руки, – еще строже произнесла Наталья. – Ситуация действительно тяжелая, но ты не должна ее усугублять. Я тебя отправила к Руслану для того, чтобы ты оказала ему моральную поддержку, а вовсе не для того, чтобы ты поддавалась панике. Если ты немедленно не прекратишь накручивать себя и его, я приеду и буду сама с ним сидеть, а тебя отправлю домой. Ты меня поняла?

Ира ничего не имела против того, чтобы Наталья приехала. Более того, она сейчас хотела этого больше всего на свете. Так уж повелось в ее жизни, что в тяжелой ситуации Наталья всегда была рядом и подставляла плечо или протягивала руку. И сейчас присутствие старшей подруги, которая ее вырастила и воспитала, было Ирине совершенно необходимо. Но она понимала, что просить Наталью приехать – верх эгоизма. Она сама издергана донельзя, сегодня ее несколько часов допрашивал следователь, а до этого забрасывали вопросами какие-то другие милиционеры. Она тоже не спит и с ума сходит от тревоги. А ведь у нее муж и сын, не может же Наталья их бросить и снова мчаться на подмогу своей воспитаннице. Воспитаннице-то, слава богу, уже тридцать один, чай, не девочка, дважды замужем побывала, институт закончила, в нескольких картинах снялась, а все по привычке к Наталье тянется, когда на душе тяжело.

– Я поняла, Натулечка, – покаянно пробормотала Ирина. – Я постараюсь вести себя правильно. Только ты сразу же позвони, если что-нибудь станет известно, ладно?

Она залпом допила остывший чай, открыла холодильник и с огорчением убедилась, что еды почти никакой не осталось. То, что Янка купила и приготовила в субботу утром, к вечеру понедельника оказалось полностью съеденным. Гостеприимная Ира предложила приехавшим в воскресенье оперативникам чай с бутербродами, они не отказались, смущенно признавшись, что работали всю ночь и голодны как волки. У самой Иры на нервной почве сделался зверский аппетит, да и Руслан тоже что-то поклевал, он есть совсем не хотел, но Ира его заставляла. Вот и доклевались... Даже хлеба нет ни кусочка. Надо бы выскочить в магазин, здесь совсем рядом, на углу, есть круглосуточный.

Ирина вырвала из записной книжки чистый листочек и быстро написала: *«Я вышла в магазин, через пятнадцать минут вернусь, не беспокойся. Ира»*. Немного подумала и поставила время: 21.40. Если Руслан проснется, то по крайней мере не испугается, что она ушла давно и тоже пропала. Тихонько прокравшись в комнату, Ира положила записку рядом с диваном, на котором в неудобной позе прикорнул Руслан, взяла ключи и вышла из квартиры, стараясь не шелкать замком.

В магазине она купила сыр и копченое мясо для бутербродов, хлеб, яйца, творожную массу с изюмом, несколько сладких булочек и банку джема из черной смородины. Поразмыслив, добавила к этому две полуторалитровые бутылки воды без газа для себя и две с газом – для Руслана, а также несколько тяжелых, по полкило, плиток шоколада. Шоколад хорош в стрессовых ситуациях, когда есть не хочется и в горло ничего не лезет, а силы надо чем-то поддерживать. Сложив покупки в несколько пакетов, Ира подхватила их и невольно охнула: поклажа получилась внушительной, одной воды шесть литров. И шоколада килограмма два. И все остальное тоже свой вес имеет. Хорошо, что до дома недалеко, метров двести, не больше.

Возле подъезда с ней почти столкнулся какой-то парень.

– Не тяжело? – слегка насмешливо спросил он. – Может, помочь?

– Перебьешься, – грубо бросила ему Ира и нырнула в подъезд, тут же мысленно упрекнув себя в беспечности. Ну как так можно? Парень явно собрался пристать к ней, а она прямо у него на глазах входит в подъезд, в котором нет консержки. А ну как он сейчас рванет следом за ней и при помощи легкой физической силы постарается объяснить ей, что разговаривать с незнакомыми мужчинами нужно вежливо? Совсем с ума сошла!

Ожидая лифт, она испуганно прислушивалась к звукам у себя за спиной, но ничего не произошло. И только когда двери лифта стали закрываться, Ира услышала, как кто-то вошел в подъезд. Боже мой, ну она точно полная идиотка! Это же милиционер, который наблюдает за домом на тот случай, если кто-то захочет принести записку Руслану от похитителей. Ведь вчера еще их предупредили, что кто-то из работников милиции обязательно будет рядом. От осознания собственной глупости Ира даже рассмеялась. Потом, вспомнив об убитом водителе Тимурчике и о пропавшей Яне, снова погрузилась.

Руслан так и не проснулся, пока она ходила в магазин, но резко открыл глаза и вскочил с дивана, едва Ира переступила порог.

– Что? – напряженно спросил он, вглядываясь в ее лицо. – Кто-то приходил? Я слышал, как дверь открывалась. Принесли письмо? От Яны?

– Да нет же, это я пришла. Я в магазин бегала, у тебя в холодильнике пусто.

– А от Яны ничего? Никто не звонил?

– Нет. Ложись поспи, тебе надо отдохнуть, – ласково сказала Ира.

– Я не хочу спать.

– Тогда пойдем чаю выпьем, я бутерброды сделаю.

– Не хочу, – упрямо повторил Руслан.

– Надо, – жестко произнесла Ира, памятуя наказ Натальи не рассиропливаться и не потакать упадническим настроениям Руслана.

– Я не буду есть.

– Будешь, – она примирительно улыбнулась, – куда ты денешься. Я понимаю, что тебе ничего не хочется, но кушать все-таки надо обязательно. Мало ли как ситуация будет складываться, ты должен быть готов к любому повороту, и тебе могут понадобиться силы. Оттого, что ты ослабеешь или заработаешь гастрит, никому лучше не будет.

Руслан стоял перед ней, такой несчастный, такой маленький – на целую голову ниже рослой Ирины, со спутанными волосами и в очках с толстыми стеклами, и Ира с трудом удерживалась от порыва обнять его, как сына или младшего брата, прижать к себе, утешить, защитить. Они ровесники, ему тоже тридцать один, а Ира отчего-то продолжает относиться к нему как к маленькому мальчику, нуждающемуся в ее помощи и поддержке. Еще десять лет назад, когда они впервые встретились, Ира уже была в разводе после первого брака и много чего повидала и испытала в жизни, в том числе раннее сиротство, венерологические диспансеры, аборт и лечение от алкоголизма, а Руслан был таким трогательно-наивным и чистым, и девушка ощущала себя рядом с ним полнейшей старухой, циничной и разочарованной в жизни. С тех пор ее отношение к Руслану как к младшему и неразумному так и не изменилось. Какая же Янка дурочка, ревнует его к Ире!

Она крепко ухватила Руслана за руку, и он покорно поплелся за ней на кухню. Ире удалось заставить его взять в руки бутерброд с копченой грудинкой, и Руслан машинально начал жевать.

– Как ты думаешь, Яна могла меня бросить? – спросил он неожиданно спокойно.

– Могла, – так же спокойно ответила Ира, хотя внутри у нее все сжалось от сочувствия к нему. – Любая женщина может бросить любого мужчину, в этом нет ничего невозможного.

Она сама не верила в то, что говорила. Ну как это так – взять ни с того ни с сего и бросить мужа, отца своих двоих девочек? И потом, Янка так отчаянно ревновала его, как не ревнуют женщины, имеющие любовников на стороне. Хотя бывает, что женщина уходит от мужчины не потому, что у нее появляется новая любовь, а только лишь потому, что любовь к данному мужчине становится для нее невыносимой. В том числе и из-за ревности. История знает немало тому примеров, да вот хоть саму Иру взять. Она ведь тоже любила, любила страстно и самозабвенно, потому и ушла. Понимала, что эта ее безоглядная любовь превращается для любимого в обузу, в неподъемную и, главное, ненужную тяжесть. Может, и у Янки так же? Да нет, не может, глупости это все! У них с Русланом нормальный брак, стабильный, детьми скрепленный. Но если настаивать на том, что она не могла бросить мужа, то автоматически придется признавать, что с ней случилась беда. Или ее убили, или похитили, или она сошла с ума. Других объяснений исчезновению Янки нет. А так она хотя бы жива и благополучна...

– Разве женщина может внезапно разлюбить? – продолжал допытываться Руслан. – Вот так просто, в одну секунду взять и разлюбить? И решить, что больше она своего мужа видеть не хочет. И уйти без объяснений. И наплевать на то, что он волнуется, места себе не находит, самые черные мысли его одолевают. Неужели вы можете так поступать?

– Дружок, вы, мужчины, можете поступать точно так же. И поступаете подобным образом, между прочим, гораздо чаще, чем женщины. То, что ты описал, – типично мужской стиль поведения. Вспомни, сколько раз ты слышал душераздирающие истории о том, как «он ушел за сигаретами и не вернулся». Но и некоторые женщины так делают, хотя и редко. Давай еще раз позвоним в Кемерово твоей теще, может, Яна все-таки объявилась там, – предложила Ира.

– Не могла она там объявиться, – в голосе Руслана она уловила раздражение, – паспорт здесь остался, ключи от кемеровской квартиры тоже. Как она в самолет сядет без паспорта?

– Всякое бывает, – философски заметила Ирина. – А вдруг она звонила матери? Яна нормальный человек, и даже если она плохая жена, она все равно будет беспокоиться о девочках.

Она протянула ему телефон и почти силой всунула в безвольно лежащую на столе руку. Руслан набрал номер, поговорил с тещей. Нет, дома Яна не объявлялась, не приезжала и не звонила.

– Ее убили, – вдруг пробормотал Руслан, глядя на Иру безумными глазами. – Я чувствую, Янки больше нет в живых... На душе так черно... Господи, что же мне делать!!!

* * *

На Щелковском шоссе Настя жила уже много лет, но все равно ее частенько посещало неприятное чувство несвободы, когда она выходила из вагона метropоезда. Станция «Щелковская» – конечная, все пассажиры выходят из вагонов, и в этот момент приходило странное ощущение, будто она, Настя, стоит на платформе не потому, что живет здесь, а единственно потому, что ее выгнали из поезда. Кто-то там, наверху, решил, что поезд дальше не пойдет и пассажирам следует освободить вагоны. Кто-то решил за нее, а не она сама приняла решение. Кто-то не посчитался с тем, что людям надо ехать дальше, и прекратил движение состава. Мысль была глупой и совершенно несправедливой, Настя это отчетливо понимала, но отделиться от нее за многие годы так и не смогла.

Она поднялась по ступеням, вышла на улицу и вытащила из сумки мобильник. Надо найти Юру Короткова, а то она пригласила его временно пожить, а сама уехала и ключей не оставила. Сидит небось на работе, бедняга, голодный, уставший, на часы поглядывает и мечтает о горячем душе, горячем ужине и теплой дружеской компании. В кабинете Короткова телефон не отвечал, и Настя набрала другой номер – Юркиного мобильного.

– Ты где? – спросила она, медленно двигаясь от метро к автобусной остановке.

– Глаза протри, курица, – беззлобно ответил ей Юркин голос. – Или очки надень.

Погруженная в свои мысли, Настя не заметила издевки и послушно полезла в сумку за очками. Открыла на ощупь футляр, водрузила на нос шедевр немецких оптиков.

– Ну, надела. И чего? Я хочу сказать, что минут через двадцать уже буду дома, так что можешь выдвигаться в мою сторону.

– Не через двадцать, а через пять.

– Почему? – непонимающе откликнулась Настя.

– Потому. Балда ты, – коротко бросил Коротков и отключился.

Она недоуменно посмотрела на зажатый в руке телефон, пожала плечами и тут же испуганно шарахнулась в сторону, потому что прямо над ухом завопил автомобильный клаксон.

– Я что, ногами за тобой бегать должен? – раздался совсем рядом голос Короткова. – Садись в машину, слепота ты моя непроглядная.

И только тут Настя с изумлением поняла, что звонила Юре, стоя в метре от его машины.

– А что ты здесь делаешь? – глупо спросила она, усаживаясь рядом с ним на переднее сиденье.

– Тебя жду. Я уже домой к тебе приезжал, смотрю – нету, не открывает никто. Позвонил на трубку, а мне отвечают – мол, абонент временно недоступен. Ну я и понял, что ты в метро трясешься. Оцени, между прочим, мое душевное благородство. Я ведь мог пойти куда-нибудь пожрать, пока ты дома не объявишься. Ан нет, как я есть твой лучший друг, то решил сделать тебе приятное и с шиком домчать от метро до подъезда, а потом разделить с тобой твою скудную холостяцкую трапезу. Ценишь?

– Ценю, – кивнула Настя с улыбкой, – только насчет трапезы ты, пожалуй, обломался. Пирожки кончились, а больше я вчера ничего не готовила. Кстати, тормозни у магазина, купим какой-нибудь еды, а то у меня и в самом деле ничего нет.

– Обижаешь, – Коротков укоризненно покачал головой и сделал вид, что надулся. – Я ж не какой-то там нахлебник, я ж с понятиями. Жилье твоё, продукты – мои. Годится?

– Еще как, – Настя весело рассмеялась. – Слушай, Чистякова не будет еще три недели, можешь рассчитывать на мою квартиру, если обещаешь продукты покупать.

– Ага, и готовить заодно.

– Нет, это я сама попробую, – неуверенно сказала Настя.

– Уж конечно, ты попробуешь, – фыркнул Юра. – Я, знаешь, еще пожить хочу, хотя бы пару лет. Я не самоубийца.

– Ах ты, мерзавец! – Настя возмущенно стукнула его кулаком по коленке. – А кто мои пирожки вчера сверетенил? А кто сегодня добавки просил?

– Так это я с голодухи. С голодухи, знаешь ли, и укус сладким покажется.

– Мерзавец, – повторила Настя ласково. – И к тому же неблагодарный и лицемерный.

Дома выяснилось, что готовить, к счастью, ничего не придется: Коротков вместо продуктов из магазина привез уже готовые к употреблению блюда китайской кухни, которые оставалось лишь разогреть в микроволновой печи.

– Что это? – Настя с подозрением оглядела тонкие пластиковые коробочки, сверху укутанные фольгой. – Пахнет как-то странно.

– Это, подруга, бамбук с грибами мозэр, а вот в этой коробке... короче, тоже что-то такое овощное. Сплошные витамины.

– Ты уверен, что это съедобно?

– Спрашиваешь! Китайская кухня, между прочим, во всем мире популярна. Они ж там, в Европах-то и Америках, не полные идиоты, было бы невкусно – они б не ели, – авторитетно пояснил Коротков.

Настя задумчиво понюхала содержимое сначала одной коробочки, потом другой, но уверенности ей это не прибавило.

– Слушай, а они там что, в Китае этом, вообще мясо не едят? Только бамбук и вот эти вот... овощи?

– Да ты чего! – возмутился Юра. – Еще как едят. В том киоске, где я это покупал, еще курица была с орехами, свинина в кисло-сладком соусе и говядина какая-то мудреная, якобы нежно-жареная.

– Чего ж ты говядину не взял? Или курицу с орехами? Все-таки понятнее было бы, и привычнее.

Коротков явно смутился.

– Чего не взял, чего не взял, – проворчал он. – Дорого потому что! Взял что подешевле. Но продавец мне клялся, что вкусно, говорил – все берут и хвалят.

– Ладно, – Настя безнадежно вздохнула и засунула коробочки в печь, – будем пробовать. Может, выживем, если повезет.

Еда оказалась на удивление вкусной, хоть и непривычной. Настя и Юра глазом моргнуть не успели, а тарелки уже сияли девственной чистотой, лишённые даже остатков соуса, который оба собрали кусочками белого хлеба.

– Здорово! – одобрительно признала Настя, убирая посуду в раковину. – Если хочешь продолжать у меня ночевать, завтра поедешь и купишь еще чего-нибудь такого же вкусненького. Это далеко отсюда?

– Далеко, на Новослободской.

– Ну вот и съездишь, чего на работе зря сидеть.

– Мать, ты нахалка, – возмутился Коротков. – Я, между прочим, твой начальник. Кто тобой руководить будет, если я за едой буду целыми днями разъезжать?

– Ой, и правда, – Настя испуганно всплеснула руками. – Я забыла совсем, что ты начальник. Прости, родной. Тогда давай я перед тобой отчитаюсь о проделанной работе. Хочешь?

– Хочу, – с отчаянием готового к смерти камикадзе ответил Юра. – Вот сядь и отчитайся, что ты сегодня полезного сделала по убийству водителя в Сокольниках.

Настя села напротив него, закурила.

– Я, любезный начальник, пришла к выводу, что человек не в силах переломить ход событий, если этот ход предначертан свыше.

Коротков вытаращил глаза и чуть не поперхнулся соком, который пил из высокого стакана.

– Ты чего несешь, подруга?

– А того. Я сегодня провела немало времени в обществе Натальи Александровны Вороновой и поняла, что убийством члена ее съемочной группы нам все равно пришлось бы заниматься, не сегодня – так завтра, или через месяц, или через два. Но все равно пришлось бы.

– Это как же тебя понимать?

– Понимаешь, Юрик, если бы не убили водителя Тимура, то убили бы кого-нибудь другого. Например, актрису Ирину Савенич. Или сценариста Нильского. Или саму Воронову. Или еще кого-нибудь мужского пола. Дело в том, видишь ли, что исчезнувшая Яна Нильская безумно, до истерик и на потеху всей съемочной группе ревновала своего мужа Руслана к актрисе Савенич.

– Этого обрубка? – Коротков в изумлении вскинул брови. – Он же ей до пупка не достает.

– Кому это – ей?

– Да Савенич. Она здоровенная, как я не знаю кто, выше меня даже.

– Удивил, – усмехнулась Настя, – я тоже выше тебя. А откуда, кстати, тебе это известно? Ее же не было в Сокольниках, когда ты туда с группой выезжал, она в тот день не снималась.

– Все-то ты знаешь, умная больно, – обиделся Юра. – Тебе разве не сказали, что через час после приезда опергруппы Савенич примчалась в Сокольники? Ей Воронова позвонила, и она тут же прилетела.

– Зачем?

– Моральную поддержку оказывать. Воронова с Савенич – не разлей вода, подружки, едрёна матрёна. Одной тридцать, другой полтинник, двадцать лет разницы, вот ты мне объясни, что между ними может быть общего?

– Не преувеличивай, Вороновой всего сорок шесть, а Савенич – тридцать один. Там длинная история, они в одной коммуналке много лет жили, у Савенич родители были проблемные, отца посадили, мать спилась, Воронова ее фактически с самого рождения пестовала. Ничего удивительного, что в стрессовой ситуации Воронова первым делом Ирине позвонила. И точно так же ничего удивительного, что Савенич тут же приехала. Они всю жизнь так прожили. А отсюда знаешь какой вывод?

– Знаю, – буркнул Коротков, наливая себе еще сока из литрового пакета. – Что бы ни случилось, Воронова будет ее покрывать. Или Савенич Воронову, что сути дела не меняет.

– Злой ты, Юрик, – вздохнула Настя. – И недоброжелательный.

– Ага, зато ты у нас образец доброты и мягкосердечия. Ты вообще к чему ведешь-то? К тому, что Яна Нильская могла убить соперницу?

– Элементарно. Мне Воронова знаешь что сказала? Что Яна закрутила с водителем Тимуром исключительно из ревности, потому что дошла до ручки. А когда женщины доходят до ручки, знаешь, что бывает?

– Представляю, – хмыкнул Коротков. – То есть если бы ситуация продолжала развиваться, она бы рано или поздно уколошила либо соперницу, либо неверного мужа. А мне говорили, что она маленькая такая, хрупкая...

– Солнце мое, для того, чтобы взвести курок и нажать на спусковой крючок, не обязательно быть Шварценеггером. Вполне достаточно иметь одну руку и на ней пять пальцев. А для того, чтобы нанять исполнителя, даже рук можно не иметь. Яна Нильская, по отзывам очевидцев, девушка очень темпераментная, даже излишне. И очень энергичная. И очень эмоциональная. И способная на необдуманные и неожиданные поступки.

– Красиво...

Юра задумчиво поковырял чайной ложечкой в розетке с вишневым вареньем, выбирая ягоды.

– А почему ты сказала, что могли убить и Воронову тоже? За что Яне Нильской убивать режиссера?

– Потому что Яна Нильская была убеждена, что, во-первых, у ее мужа роман с Ириной Савенич, а во-вторых, что Воронова их покрывает и создает им условия для интимных встреч.

– Это кто ж тебе такое сказал? – изумился он.

– Да сама Воронова и сказала.

– А ты и поверила, да?

– Юра, Воронова показала мне нормальной теткой, умной, порядочной и разбирающейся в людях. И муж у нее, кстати, тоже очень приятный. Мне Гмыря велел понюхать, как относится муж Вороновой к съемкам и не пытается ли он заставить ее отказаться от проекта из-за этого убийства. Иными словами, не хочет ли он воспользоваться трагедией, чтобы сэкономить денежки, которые он так щедро пообещал своей жене на сериал. Так вот, этим там и не пахнет. Пока, во всяком случае.

– Это Гмыря такую бредятину придумал? – Юра скептически приподнял брови.

– Ну не я же. Боря вообще считает, что муж Вороновой мог сам организовать убийство, чтобы сорвать съемки, потому что ему денег жалко, а отказать жене в финансировании он по каким-то причинам не смог. Юр, это не такая уж и бредятина, это нормальное логическое построение, проработка всех возможных версий. Просто когда видишь людей живьем, в их доме, видишь и слышишь, как они между собой общаются, как ведут себя, то понимаешь, что может быть, а чего быть не может. А когда людей не видишь и не знаешь, то любая версия кажется правдоподобной. Вот ты, например, веришь в то, что Анатолий Андреевич Аксючиц может быть убийцей?

– Аксючиц? Это еще кто такой?

– Нет, ты ответь, может или нет он человека убить?

– Ну, может. А почему бы и нет? Раз он человек, и к тому же живой, значит, он может все, в том числе и убить. Не вижу в этом ничего невероятного. Не, Настюха, серьезно, кто он такой?

– Это Лешкин аспирант, ты его видел у нас месяца два назад.

Коротков от души расхохотался.

– Это такой толстенький, добродушный? Который так смешно испугался, что мы с тобой вот-вот поспоримся?

– Именно.

– Не, этот не убьет. Никогда, – твердо заявил Юра. – Милейший человек, абсолютно бесконфликтный. По-моему, он даже рассердиться толком не может. Короче, я понял, что ты хотела сказать. А другие версии у Гмыри есть?

– Навалом. Например, что водителя убили, потому что он мешал похищению Яны. А саму Яну похитили с целью вымогательства денег у мужа Вороновой, который, как тебе известно, человек далеко не бедный. То есть Боря считает, что у Яны Нильской и Андрея Константиновича Ганелина мог случиться страстный роман.

– Еще красивше... Муж, значит, глядит в сторону красотки-актрисы, а я ему назло буду спать с богатым мужем режиссера. Чего ты не смеешься-то?

– А что тут смешного? – не поняла Настя.

– Что смешного? Да все! – Коротков стукнул кулаком по столу. – Все смешно, что Гмыря придумал, а ты повторяешь. Когда Яна Нильская приехала в Москву?

– Накануне начала съемок, двадцатого мая.

– А исчезла она девятого июня. Три недели всего она здесь, и ты считаешь, что за эти три недели сначала завязался роман ее мужа с Ириной Савенич, потом Яна долго и упорно ревновала, потом решила обаять Ганелина, потом какое-то время складывались их романтические отношения, потом наконец сложились, потом о них узнали преступники, потом разрабатывали план, как выманить у бизнесмена денежки, потом его осуществляли. И все за двадцать один

день! Да на такую историю год нужен, если не больше. Это все равно что «Сагу о Форсайтах» изложить на трех страницах.

– Юрочка, Нильский знаком с Ириной Савенич ровно десять лет, – заметила Настя, – так что уйми свой пыл.

– Ну хорошо, пусть так. Но Яна-то Нильская впервые в Москву приехала только сейчас, – не сдавался Коротков. – Не может за три недели ситуация развиться до такой степени, чтобы привести к похищению и вымогательству. Не могла она за три недели так окрутить мужа Вороновой, чтобы преступникам, наблюдающим со стороны, стало ясно: здесь можно пожить денежками.

– А кто тебе сказал, что все это развилось всего за три недели? – невинно осведомилась она.

– Потому что Яна впервые в Москве. Ты что, не слышишь, что я тебе говорю?

– Слышу. А ты уверен, что муж Вороновой никогда не бывал в Кемерове? Уверен, что он не мог познакомиться с Яной в любом другом городе, кроме Москвы? На каком-нибудь курорте, например.

– Удавила, – сердито произнес Юра.

– Кто кого? – не поняла Настя.

– Ты – меня. Тебя послушать, так Яна вообще могла всю эту петрушку сама придумать и организовать, чтобы вытянуть деньги у богатого любовника. Скажешь, нет?

– Скажу – да. Могла. И это тоже надо проверять. Пока что мы с тобой варим кашу на воздухе, а не на молоке и даже не на воде. Потому что Яна так и не объявилась. И совершенно непонятно, похитили ее или она сама по себе куда-то делась. И если похитили, то с какой целью. Ни Вороновой, ни Савенич, ни кому бы то ни было еще пока никто не звонил и ничего не требовал. Пошли укладываться, – Настя со вздохом поднялась со стула. – Так уж и быть, выдам тебе чистое постельное белье.

Пока Коротков плескался в душе, она раздвинула «гостевой» диван, застелила его свежим бельем, поставила мобильный телефон на подзарядку, постелила постель себе. Юра вышел из ванной, закутанный в махровый халат Чистякова, посвежевший и довольный.

– Вот где счастье-то! – констатировал он, падая на диван и вытягивая ноги. – Только и начинаешь ценить, когда две ночи подряд в кабинете поспишь. Когда завтра подъем?

– В семь, – безрадостно сообщила Настя.

– Чего так рано? – удивился Коротков. – Нам и в полдевятого нормально будет, тут езды-то минут сорок, по прямой до Садового кольца, а там уж совсем чуть-чуть. Умыться, пожрать и доехать – полтора часа за глаза хватит. И вообще, завтра во всей стране законный трудовой выходной, вся прогрессивная российская общественность будет праздновать День независимости от конституции, и мы с тобой поперемся на службу исключительно из чувства долга и здорового сыщицкого азарта. Кто сказал, что мы должны являться завтра к десяти ноль-ноль? Когда начнем работать – тогда и начнем.

– А меня Афоня сегодня предупредил, что завтра в десять я должна явиться и доложить о результатах сегодняшней работы. Ему тоже в выходные дни нейдет, очень уж хочет телевизионную версию раскрутить.

– Ох ты господи, – вздохнул Юра, – вот уж правду говорят насчет нового начальства, что оно хуже беды. Ладно, повезу тебя к десяти, подъем объявляю в половине девятого.

– Я так не могу, Юрик, я по утрам долго прочухиваюсь. Чтобы выйти из дома в девять, мне нужно встать в семь.

– Ну, как хочешь, – пожал плечами Юра. – Вставай в семь, а меня раньше половины девятого не поднимай.

Он уснул мгновенно, не успев даже дотянуть одеяло до груди. Настя молча позавидовала его способности быстро отключаться и поплелась в душ.

Глава 4

Он с отвращением смотрел на лежащий на тарелке бутерброд с сыром и ломтиком свежего огурца и понимал, что должен это съесть. Должен, хотя и совсем не хочет. Из тридцати трех прожитых лет как минимум лет пятнадцать он ничего не ел на завтрак, только чай пил или кофе. По утрам аппетита не было, зато за обедом и ужином он обычно, что называется, отрывался по полной программе, ел много и с удовольствием. Теперь все должно быть по-другому, и ему приходится насильно впихивать в себя ненавистную утреннюю еду, а по вечерам ограничиваться количеством пищи, чуть не вполтину меньшим, чем раньше.

Отныне у него другая жизнь, и выражается это не только в том, что надо съедать плотные завтраки и довольствоваться легкими ужинами. Он и одеваться должен по-другому, и смотреть по телевизору или выдаку не те фильмы, которые ему всегда нравились, и книжки читать, которые он когда-то на дух не переносил. И даже утренний туалет совершать приходится в другом порядке, сначала бритье, потом душ, а не наоборот, как он привык с юности. Один умный человек сказал ему: «Ты должен стать совсем другим, а для этого тебе необходимо измениться во всем, вплоть до мелочей, иначе ничего не выйдет. Одна-единственная старая привычка, которую ты захочешь сохранить, окажется той веревочкой, которая будет крепко держать при тебе твою прежнюю жизнь. А свою прежнюю жизнь ты должен отрезать и выбросить на свалку, иначе ты не сможешь выкарабкаться». Сперва он не поверил, думал – туфту этот мужик гонит. Кому помешают старые привычки, если о них никто не узнает? Любимые боевики можно смотреть в одиночестве, а когда рядом никого нет, кто догадается, что он в свободное время делает, книжки читает или музыку слушает? Кому какое дело, что он ест на завтрак?

А потом тот же самый умник, как обычно заглянув к нему среди дня, нахмурился и строго спросил:

– Опять утром пустой чай пил? Смотри мне, чтоб без глупостей.

– Как вы догадались? – изумленно спросил Виктор, который и в самом деле нарушил в тот день режим и ограничился только горячим питьем.

– Ничего мудреного. Начал день как раньше – и ведешь себя как раньше. Шутишь, улыбаешься, дурака валяешь. Из тебя прежняя жизнь лезет – только дурак не заметит. Небось и книгу сегодня не открывал? Запомни, ты новую жизнь не для меня начинаешь, а для себя. Мне ничего не нужно, если тебя удавят в темной подворотне, я даже не икну. Ты мне никто. Ты для себя стараться должен, потому что речь идет о твоей жизни, а не о моей. Хочешь жить – делай, как я говорю.

Жить он хотел. Очень хотел. Поэтому вот уже полгода истязал себя отказом от всего, что раньше нравилось, было приятным и привычным. И со сложным чувством сожаления, смешанного с удовлетворением, словно со стороны наблюдал за собой, за тем, как меняется его характер, образ жизни, манера вести себя. Он стал злым, мрачным, вечно недовольным, циничным. Ему было тяжело, невыносимо тяжело жить этой новой жизнью, но Виктор отчетливо понимал, что лучше тяжелая и неприятная жизнь, чем вообще никакой, и поэтому старался.

Бутерброд показался ему сухим и безвкусным, но Виктор мужественно сжевал его целиком. Потом, морщась, влил в себя стакан кефира, который он с детства терпеть не мог. И только потом выпил крепкий сладкий чай. Он ненавидел сладкий чай, раньше всю жизнь пил его без сахара, с конфеткой или печеньем, но ничего, привык понемногу и даже стал находить в таком питье некоторое удовольствие. Может, ему и в самом деле удастся измениться до неузнаваемости? Так измениться, что никто и никогда не признает в нем азартного игрока и любимца женщин Юрку Симонова. У него теперь другая внешность, другое имя, новые документы. Но его ищут, причем ищут, зная, что он выглядит по-другому и живет под другим именем. Значит, будут ориентироваться на привычки, вкусы, образ жизни. На походку, манеру разговари-

вать, доведенные до автоматизма жесты, которых люди, как правило, сами не замечают. Например, жест, которым вынимаешь из кармана бумажник и вытаскиваешь из него купюры. Чтобы изменить привычное движение руки и пальцев, Виктор стал хранить деньги не в бумажнике, а в кошельке, и прятать его не в карман куртки или пиджака, а в сумку, которую носит на плече. Потом заметил как-то, что люди, носящие очки, поправляют их разными характерными жестами, и заказал себе очки с простыми, без диоптрий, стеклами в тонкой оправе. И еще много чего изменил в своем повседневном существовании. Может быть, Виктор сумеет их обмануть. Может быть...

Утро тянулось медленно и тоскливо. Обязательная программа – новости по телевидению, чтобы быть в курсе событий, и не меньше двадцати страниц из какой-нибудь книги о жизни известных людей, чтобы было чем поддержать разговор. Виктор выбрал для себя серию «Триумф – Золотая коллекция», и написано легко, и читать любопытно. За последние месяцы осилил книги Аллы Демидовой и Михаила Жванецкого, сейчас дочитывал воспоминания Олега Табакова. Многого не понимал, поскольку не знаком с русской и мировой драматургией, не представлял, что такое «зыбкая, нервная атмосфера спектакля», но запоминал, когда говорилось «про жизнь». Иногда какие-то фразы легко и естественно западали в память, а иногда и специально зубрил, если слова казались ему удачными, а формулировки красивыми и пригодными для того, чтобы непринужденно вставить в беседу, продемонстрировав образованность и интеллигентность.

К полудню Виктор уже был в центре Москвы. Походы по дорогим магазинам – тоже часть его новой жизни, хотя и далеко не самая неприятная. Ходить по магазинам ему нравилось, нравилось рассматривать элегантные вещи, украшенные символами знаменитых на весь мир фирм, и осознавать, что он может купить любую из них, а то и все скопом. Но знание всех этих вещей и точное понимание их стоимости – не только часть новой жизни, но и необходимый элемент в работе, ведь когда разговариваешь с клиентом, который якобы готов выложить перед тобой кругленькую сумму, надо уметь с одного взгляда оценить его часы, галстук, обувь, портфель или бумажник, кольцо и браслет на руке у женщины, отличить подделку от настоящего изделия, сделать вывод о платежеспособности. Зачем тратить силы и время на обслуживание человека, который заявляет о многотысячных притязаниях и в то же время носит на руке турецкую подделку под Картье, купленную за двадцать долларов.

Сегодня больше всего времени он провел в магазине «Джентльмен» – впереди лето, и если оно снова окажется жарким, клиенты-мужчины будут ходить в легких трикотажных майках «ти-шорт», поэтому необходимо ознакомиться с ассортиментом и модными вариантами отделки, чтобы не попасть впросак и не ошибиться при оценке, не принять дешевую майку с рынка за дорогую или наоборот. Проходя мимо «Дикой орхидеи», Виктор машинально кинул взгляд на витрину, но заходить не собирался, женское белье его не интересовало. Через стекло витрины ему были видны яркие кружевные тряпочки, очаровательные в своей бессмысленности, а также три женские фигуры, две из которых, затянутые в униформу, явно принадлежали продавщицам. А вот третья фигурка заставила его замедлить шаг. Тоненькая невысокая девушка со смуглой кожей и длинными, спускающимися ниже пояса прямыми блестящими волосами стояла к Виктору в профиль и рассматривала что-то невесомое, похожее на коротенький пенюар. Первым побуждением Виктора было войти в магазин, купить эту штучку из переливающегося шелка и подарить смуглокожей красавице. Именно так поступил бы он в те времена, когда носил фамилию Симонов, он никогда не был жадным, деньги тратил не глядя и с удовольствием, и при помощи такого приема легко завязывал приятные знакомства, почти всегда перетекавшие в необременительные интимные отношения длительностью от недели до нескольких месяцев. Но сейчас он уже не Симонов, он другой человек, и поступить так не может. С сожалением бросив еще один взгляд на девушку, Виктор прошел мимо. Зайдя еще в два магазина и ознакомившись с новыми моделями мужских часов и женских сумочек, он

отправился в свой любимый ресторан «Трюм», где подавали самое лучшее, на его вкус, пиво – светлое нефilterованное. Слава богу, хоть в этом ему не пришлось себя ломать, в прежней жизни он пил темные тяжелые сорта, но однажды попробовав пиво в «Трюме», понял, что нашел «свой» напиток, и теперь при каждом удобном случае, при любой возможности приходил сюда если не поесть, то хотя бы просто выпить две-три кружки.

Открыв меню, Виктор, как всегда в последние месяцы, пошел «от противного». Симонов любил свинину, значит, закажем баранину на ребрышках. В прежней жизни он обязательно взял бы холодную закуску к пиву – рыбку или креветки, стало быть, сейчас придется есть овощи, пресные и не доставляющие никакой радости. Одно хорошо – сегодня работает официантка Оля, обладательница ног такой длины и красоты, что просто непонятно, как она оказалась на этой работе.

Он уже пил вторую кружку пива и ждал горячее, когда в ресторан вошла та самая девушка с длинными волосами. В руках у нее ничего не было, кроме крошечной сумочки, видно, ту шелковую тряпочку она так и не купила. Интересно, почему? Дорого оказалось? Но ведь и «Трюм» – заведение не из дешевых, сюда с тремя рублями не приходят. Девушка не стала садиться за столик, устроилась у барной стойки. Неужели пиво закажет? Виктор с любопытством наблюдал за ней, любуясь узкой спиной, полностью закрытой плотной завесой темных волос.

– Оленька, вы знаете вон ту девушку? – спросил он, когда официантка принесла дымящуюся баранину.

– Она бывает здесь иногда, – сдержанно улыбнулась Оля.

– Одна?

– Или одна, или с подругами.

– Что заказывает? – продолжал допрос Виктор.

– Кофе и пирожные.

– А спиртное?

– Не помню такого. Может быть, не в мою смену...

Оля отошла, а Виктор начал есть, решив про себя, что если девушка не уйдет, пока он борется с ребрышками, то он с ней познакомится. Если же длинноволосая смуглянка уйдет раньше, значит, не судьба.

Однако девушка, судя по всему, никуда не торопилась. Ей подали кофе и два пирожных, теперь она сидела вполборота к Виктору, и он краем глаза видел медленные движения тонкой руки с зажатой в ней ложечкой от тарелки с пирожным ко рту и обратно. Покончив с едой, Виктор встал из-за стола и решительно подошел к стойке.

– Вы так ничего и не купили? – спросил он.

Девушка подняла на него глаза, в которых не было ни удивления, ни улыбки.

– Почему я должна что-то покупать? – ответила она чуть глуховатым голосом.

– Я вас видел в «Дикой орхидее», вы там что-то выбирали. Я не очень понял, что это было, но оно было красивое. Я почему-то был уверен, что вы это обязательно купите.

– Почему?

В ее голосе по-прежнему не было удивления, и вопрос прозвучал как-то дежурно, словно ей было совсем не интересно, почему этот мужчина решил, что она должна была сделать покупку.

– Вам этот цвет был бы к лицу.

– Неправда, мне бордовое не идет.

– Кто вам это сказал?

– Я сама знаю.

– Вы ошибаетесь. Хотите – зайдем в любой магазин, найдем любую вещь бордового цвета, вы ее примерите, и я вам докажу, что вы ошибаетесь. Хотите пари?

– Не хочу.

Девушка поднесла к губам чашку с кофе, сделала маленький глоточек и снова начала медленно есть пирожное.

– А чего вы хотите?

– Ничего, – она слегка пожала плечами.

– Так не бывает. Человек в каждый момент своей жизни чего-то хочет. Пить, есть, спать, что-то сделать, куда-то пойти, с кем-то поговорить. Если он ничего не хочет, значит, он не живет. Вы хотите, чтобы я от вас отстал?

– Вы? – Губы чуть дрогнули в улыбке. – Нет, не хочу. Вы мне не мешаете.

– Значит, я могу продолжать с вами разговаривать? – уточнил Виктор, хотя и сам уже понимал, что девушка не старается от него отделаться. Просто она или сильно устала, или не в настроении, но ничего не имеет против того, чтобы поболтать с ним.

– Можете.

– А угостить вас чем-нибудь я тоже могу?

Вот сейчас все станет понятным. Все зависит от того, что она ответит. Если у нее мало денег и поэтому она берет только кофе с пирожными, просто потому, что ей приятно походить по дорогим магазинам, подержать в руках дорогие вещи, чувствуя себя состоятельной дамой, а потом зайти в дорогой ресторан, то она попросит угостить ее спиртным или накормить обедом. В этом случае можно чуть попозже завести разговор о белье в подарок, и подарок этот она непременно примет, а дальше все понятно. Если же откажется от угощения, то придется подумать, как развивать и закреплять успех.

Девушка задумалась, и это несколько воодушевило Виктора. Раз думает – значит, прикидывает, чего бы у него попросить. Но он ошибся.

– Спасибо, я уже съела все, что хотела, – неторопливо ответила смуглянка, отправляя в рот последний кусочек пирожного.

– Может быть, еще одно пирожное? – предложил он. – Или еще кофе?

– Нет, спасибо, я больше не хочу.

– Пиво? Здесь очень хорошее пиво, самое лучшее в Москве.

– Я не пью пиво, спасибо, – вежливо произнесла девушка.

– А что вы пьете? Давайте выпьем то, что вы любите, – не отступал Виктор.

– Я люблю шампанское, но не среди бела дня. Днем я вообще спиртное не пью.

Ну вот, так бы сразу и говорила! Все ясно – она согласна пить с ним шампанское вечером, возможно, в ресторане за ужином, а возможно, и в более интимной обстановке. С каждой секундой Виктор чувствовал, что девушка нравится ему все больше и больше. Сколько же ей лет? Двадцать – двадцать два, не старше. Интересно, чем она занимается? Днем ходит по магазинам, пьет кофе в ресторане. Не работает, что ли? Это опасно, неработающие девушки – это совсем не то, что Виктор может себе позволить. Ведь что такое неработающая красивая девушка? Либо дочка богатого папы, который под микроскопом рассматривает каждого, кто приближается к ненаглядному чаду, либо содержанка богатенького Буратино, которому вряд ли понравится, что его собственность гуляет «налево». И тот и другой вариант Виктора совсем не устраивал. Было, правда, и третье объяснение – девушка работает, но в данный момент находится в отпуске. Или работа у нее сменная. Четвертое объяснение к данному случаю, по мнению Виктора, вряд ли подходило: девушка могла быть сотрудницей «горячего уличного цеха» и занята на работе по ночам, но манеры смуглянки этому как-то не очень соответствовали, хотя против проституток Виктор ничего не имел, более того, регулярно пользовался их услугами. Молодой организм требовал своего, а заводить стабильные отношения с женщинами он пока побаивался.

– Значит, я могу рассчитывать на то, что вы согласитесь выпить со мной шампанское сегодня вечером? – спросил он.

Девушка долго и внимательно смотрела на него, потом снова слегка пожала плечами.

– Странный вы какой-то, – равнодушно бросила она. – Вам что важно, познакомиться со мной или выпить в моем обществе?

– Конечно, познакомиться, – быстро ответил Виктор.

– Ну так знакомьтесь.

– Что, вот прямо так, сразу? – опешил он.

– Ничего себе сразу! Вы мне уже полчаса голову морочите то бордовым цветом, то дармовой выпивкой. Вы что, робкий? – Я... ну да, в каком-то смысле.

Впервые за последние месяцы ему стало по-настоящему смешно. Его, киллера, положившего не меньше десятка человек и заработавшего на этом огромные бабки, заподозрить в робости! Никогда прежде девушки так его не воспринимали. Может, и вправду он стал меняться? Робким он, конечно, не стал, об этом и речи нет, но впечатление, наверное, производит совсем не такое, как в той жизни. Что ж, это хорошо.

– Виктор, – представился он.

И тут же вздрогнул от испуга. Что это с ним? С тех пор, как он поменял документы, он ни разу не назвался своим новым именем. То есть на работе-то его, конечно, знают как Виктора, там же паспорт надо было показывать при трудоустройстве, и соседи по дому тоже знают это имя, потому что именно под именем Виктора Слуцевича он прописан в своей квартире. Но вот при случайных знакомствах с девушками он всегда назывался по-разному. И даже не смог бы объяснить, почему. Называть старое имя нельзя, а новое – язык не поворачивался, вот и лепил первое, что в голову приходило: то Сергей, то Николай, то Алик, а то и что-нибудь более редкое. Коль отношения ненастоящие, то и имя пусть будет ненастоящим. А тут вдруг взял и брякнул: Виктор. Неужели он начал сживаться с новым образом?

– А я – Юлия.

Юлия, Юля, Юленька... Славное имя. И девчонка славная, не вульгарная, но в то же время и не скованная, не зажатая. Это на сегодняшнем сленге называется «в меру отвязанная».

– Ну так как, Юленька, где будем время проводить до вечера? – бодро спросил Виктор. – Вечером у нас шампанское и ужин при свечах, а до того?

– Боюсь, что у нас будет только «до того», – улыбнулась Юля. – Сегодня вечером я занята.

– А отменить нельзя?

– Зачем? – искренне удивилась девушка. – Шампанское можно выпить и в другой раз, не обязательно сегодня. Или у вас пожар?

– Пожар, Юля. У меня пожар, я непременно хочу провести сегодняшний вечер вместе с тобой.

Он умышленно перешел на «ты», чтобы сделать свои слова более интимными и, как ему казалось, более убедительными.

– Но у меня-то нет никакого пожара. Сегодня вечером я не могу, – твердо ответила она. – Если хотите, можем встретиться и поужинать завтра.

– Хорошо, – согласился Виктор, – но с одним условием. Я переносу наше свидание на завтра, а ты за это расскажешь мне, чем это таким серьезным ты будешь заниматься сегодня вечером.

Что ж, так даже лучше. Можно еще немного поболтать с девчонкой и выяснить, кто она такая и чем занимается. Если ответы его не устроят, то завтрашнее мероприятие он просто-напросто «продинамит», исчезнет и больше не появится.

– Вечером я обещала подруге помочь готовиться к экзамену. Я сегодня сдавала, а ее группа сдает послезавтра.

Оп-па! Так мы, оказывается, студенты! Н-да, маловато света проливается на твою жизнь, девчонка Юля. Тот факт, что ты студентка, никоим образом не может отменять ни придирчивого папу, ни ревнивого богатого спонсора.

– И что ты получила сегодня на экзамене?

– «Отлично», как всегда.

– То есть ты круглая отличница? – уточнил Виктор.

– Пока да, но впереди еще шестой курс и госэкзамены, так что все может случиться.

– А почему шестой курс? – не понял он. – Где это так долго учатся?

– В медицинском. Ну все, допрос окончен?

Она смотрела на Виктора спокойно и серьезно, в голосе ее не было раздражения или неудовольствия, но он отчего-то почувствовал себя полным идиотом.

– Ну что ты, Юленька, все еще только начинается. Я хочу, чтобы ты рассказала мне, сколько тебе лет, где ты живешь, есть ли у тебя папа с мамой и чем они занимаются, а также нет ли у тебя ревнивого кавалера, который захочет набить мне морду. Я, знаешь ли, драться не люблю.

– А что вы любите?

– Я люблю простую и понятную жизнь, без конфликтов, интриг и сложностей.

– А еще вы любите все про всех знать, да?

Юля протянула бармену деньги, взяла сдачу, сунула купюры в сумочку, щелкнула замочком и легко соскользнула с высокого стула.

– Подожди, – Виктор придержал ее за руку, – мы не закончили. Так как насчет завтра? Встретимся?

– Можно, – равнодушно ответила девушка, высвобождая руку. – Завтра я приду сюда часов в семь пить кофе, если захотите – найдете меня здесь.

– Обязательно найду! – почти крикнул Виктор, потому что Юля стремительно удалялась от него в сторону выхода.

До вечера он переделал массу полезных дел, которые давно уже откладывал, оплатил телефонные счета, отнес в химчистку две пары светлых летних брюк и забрал белье из прачечной. Ровно в десять вечера снял трубку и позвонил, чтобы узнать, как дела.

– Пока все идет по плану, – сказали ему.

Ну что ж, по плану так по плану, им видней. Виктор много отдал бы, чтобы узнать подробности, ведь речь идет не о чем-нибудь – о его собственной безопасности и сохранении его жизни, но в детали его не посвящали и ни в какие обсуждения по телефону не вдавались, разрешили только звонить один раз в три дня, не чаще.

* * *

К концу рабочего дня в кабинет к Насте ввалился сияющий Коротков.

– Ну все, мать, поздравляй меня!

– С чем? – не поняла Настя. – Тебе досрочно присвоили звание полковника?

– Ну да, от них дождешься! – фыркнул Юра. – Я в отдел нового сотрудника спроворил. С завтрашнего утра приступает к работе.

– Кого? – испугалась она. – Где ты его взял?

– На помойке нашел, – хмыкнул Коротков. – Чего ты придираешься-то? Сама ноешь, что отдел пустой, работать некому, все разбежались, а теперь от лишней пары рабочих рук отказываешься.

– Я не отказываюсь, Юрик, я только спрашиваю, где он работал и что умеет.

– Экая ты, право... А почему ты не спрашиваешь, какого труда мне стоило его переманить к нам? Почему не спрашиваешь, как я уламывал сначала его самого, потом его начальство? Ты его и в глаза не видела, а интересуешься, а про страдания твоего лучшего, можно сказать, друга Короткова и слышать не хочешь, да?

– А ты, наверное, тоже забыл, что я – твоя лучшая подружка, – отпарировала Настя. – Как это так получилось, что ты берешь в отдел нового сотрудника, уламываешь сначала его самого, потом его начальство, а я об этом ничего не знаю? С друзьями так не поступают. Короче, шеф, кончай душу выматывать, говори, кого к нам назначают, а то мне через двадцать минут к Афоне идти докладывать.

На лице Короткова расплылась улыбка садиста, предвкушающего мучения жертвы.

– Вот и хорошо, вот и походи доложишься руководству, а завтра новый человек придет – все и узнаешь.

– Издеваешься?

– А как же! Это тебе за «шефа». Я сколько раз предупреждал, чтобы ты не смела меня так называть.

– Значит, не скажешь?

– Теперь – ни за что, – твердо пообещал Юра.

– Ну и черт с тобой, – махнула рукой Настя. – Я у Афони спрошу.

Идти к начальнику отдела с докладом Насте Каменской совсем не хотелось, потому что докладывать было не о чем. Яна Нильская так и не нашлась, и ни ее мужу, ни режиссеру Наталье Вороновой никто насчет выкупа или других условий освобождения пропавшей женщины не звонил. Сегодня уже среда, через несколько часов стукнет ровно четверо суток с момента преступления, а ясности – ни на грамм. То есть сведений собрано огромное количество, но на убийство водителя и исчезновение жены сценариста они никакого света не проливают. Поводов убить симпатягу Тимура Инджия оказалось великое множество, но этим занимаются оперативники на территории, и по большому счету это направление работы интересует Афонию меньше всего. Подумаешь – водитель какой-то, из убийства водителя имени себе не сделаешь. А вот убийство и похищение с целью срыва съемок – это да, это может прозвучать, во всех газетах напишут. Честь и слава Вячеславу Михайловичу Афанасьеву, начальнику «убойного» отдела! Честь и слава Вячеславу... Настя мысленно улыбнулась случайно сложившейся рифме, собрала в папку свои записи и отправилась на доклад к начальству.

– Вячеслав Михайлович, я буду докладывать так, как привыкла, – начала она, раскладывая на столе бумаги.

– Это как же? – насмешливо спросил начальник. – Сумбурно и глядя в потолок? Судя по тому, как работают у вас в отделе, здесь именно так и принято действовать – безалаберно и стихийно. Никакой системы.

Настя молча проглотила упрек и решила не отвечать. «У ВАС в отделе»! Тоже еще варяг-контролер нашелся. Забыл, вероятно, что это теперь не чей-то чужой отдел, а его. Ничего, новые начальники часто так говорят в течение первого месяца, когда можно все грехи списать на предшественника. Посмотрим, что ты, Афоня, через месяц запоешь. Особенно если под твоим чутким руководством громкое дело раскроют. Небось сразу «вы» на «мы» поменяешь.

– В деле об убийстве в Сокольниках наметились четыре направления работы, – начала она, стараясь не смотреть на полковника Афанасьева. – Первое: убийство водителя съемочной группы Теймураза Инджия совершено по личным мотивам, а Яну Нильскую похитили как нежелательного свидетеля. Возможно, она тоже уже убита. В ходе отработки версии проверены связи Инджия и его образ жизни. Выявлено по меньшей мере три конфликтных узла, которые могли стать причиной убийства. У Инджия были крупные долги, кроме того, он вел весьма беспорядочную личную жизнь. Дважды, в девяносто девятом году и в двухтысячном, доставлялся в отдел милиции в связи с групповыми драками, один раз в Москве, второй раз в Сочи, где находился на отдыхе. Оба раза драки происходили из-за девушек, за которыми ухаживал Инджия. Кроме того, есть сведения, что Теймураз Инджия причастен к сбыту наркотиков.

– Дальше, – нетерпеливо перебил ее начальник, – эти подробности можешь опустить, это не твое направление.

– Но я хочу, чтобы у вас была полная картина, – возразила Настя.

– Мне не нужна полная картина, полную картину будешь следовательно рисовать, а мне нужен результат. Давай дальше, – потребовал Вячеслав Михайлович.

– Второе направление, – послушно продолжала Настя, – состоит в том, что целью было похищение Яны Нильской, а убийство водителя совершено с целью устранения помехи к похищению или свидетеля, что, в сущности, одно и то же. По этой версии отрабатываются связи Нильской и ее мужа. На сегодняшний день установлено, что Яна Нильская никогда прежде в Москве не бывала, но ее муж систематически приезжал сюда на протяжении последних десяти лет. Он работал в газете сначала корреспондентом, потом обозревателем, часто направлялся в Москву для сбора материала, имеет много знакомых. Конфликтные узлы на сегодняшний день не выявлены, но вполне вероятно, что похищение его жены – это месть за какую-то публикацию в прошлом. Нильский у себя в Кемерове считался «острым пером номер один», написал много разоблачительных статей, и недоброжелателей у него наверняка немало, в том числе и в Москве.

– Очень хорошо, – одобрительно кивнул Афанасьев, и в глазах его Настя уловила плотоядный блеск. Ну еще бы, такая версия ничуть не хуже телевизионной, тоже шуму будет выше крыши, если окажется, что таким зверским способом кто-то из крупных воротил посчитался с журналистом.

– План работы этой версии есть?

– Завтра представлю.

– Почему завтра? Почему план до сих пор не составлен?! – начальник повысил голос, и Настя, не выносившая громких звуков, невольно поморщилась. – Чем ты занималась три дня? Мух на потолке считала? Или в парикмахерской сидела?

– Вячеслав Михайлович, я эту версию еще не обсуждала со следователем. Если он сочтет нужным разрабатывать это направление, тогда я напишу план.

– Ты меня будешь уголовному процессу учить? Собираешься мне напоминать, что руководит расследованием следователь как процессуальное лицо? Запомни, Каменская, следователь в каждом деле будет разный, а я твоим начальником буду каждый день. С утра и до вечера. Поняла? План работы по версии принесешь мне сегодня же, и чтобы не смела домой уходить, пока плана не будет. Давай дальше. Третье направление.

Настя на мгновение отстранилась от ситуации, как будто поднялась над столом, над начальником и над самой собой, мягко воспарила к потолку и с интересом взглянула на происходящее. У нее новый начальник. В этом кабинете, в котором много лет сидел замечательный, самый лучший на свете начальник Колобок-Гордеев, теперь сидит Афоня, ее бывший сокурсник, и распекает ее, не стесняясь в выражениях, как девчонку-школьницу, не выучившую урок из-за собственной несобранности и безалаберности. Афоня, который совсем-совсем, ну ни капельки не похож на Гордеева, который не собирается ее щадить и защищать, который ни секунды не задумывается над тем, как лучше и эффективнее распределять задания между подчиненными, чтобы было больше пользы для дела, а думает только о том, чтобы выдать результат, который сразу заставит всех говорить: вот это я понимаю, вот это начальник, как только он пришел – так сразу дело пошло. Афоня, который искренне не понимает, что вообще может женщина делать в уголовном розыске, а в особенности – в «убойном» отделе, и считает, что если уж она все-таки тут работает и никуда от нее не денешься, то надо или выжить ее, выдавить, чтобы сама ушла и освободила место для толкового мужика, или вести себя с ней как с мужиком. Бедный Афоня, он так недавно работает в Москве, что до сих пор не понял, какая катастрофа происходит с кадрами! Да, Настя занимает должность старшего оперуполномоченного, в отделе полно вакансий, но это все должности оперуполномоченных, у которых и зарплата поменьше, и звание пониже, на эти должности никто особо не рвется, вон Короткову удалось кого-то найти – так это большая жизненная удача. Афоня искренне считает, что если

освободится место старшего опера, то он немедленно возьмет на него кого-нибудь более толкового и пригодного для дела, нежели баба, хоть и с погонами подполковника. А где он возьмет такого? Все толковые ребята, имеющие стаж оперативной работы не меньше десяти лет, если и остались в системе МВД, так уже сидят на хороших должностях с минимумом головной боли и максимумом удобств, и ни за что эти должности на работу в «убойном» отделе не променяют. На Настино место Афоня сможет найти только совсем молодого парнишку, имеющего за плечами крохотный опыт, и парнишка этот будет ничем не лучше Каменской, да и убежит на гражданку при первом же удобном случае, как только призывной возраст истечет. Но самое главное – начальник на нее кричит, ругается, высказывает явное недовольство ее работой, то есть происходит именно то, чего она всегда так боялась и всеми силами стремилась избежать. Насте казалось, что если такое хоть раз случится – она этого не перенесет. И вот случилось. И что же? Да ничего. Потолок не рухнул, пол не провалился, мир не перевернулся. И сама она не умерла от стыда и обиды. Более того, даже не покраснела. Даже не разволновалась. И не расплакалась. И руки не задрожали, как бывало раньше при малейшем стрессе. Оказывается, гнев начальства и отсутствие взаимопонимания – совершенно не смертельно. Это вполне можно пережить и спокойно продолжать работать. Противно, но не катастрофа. «Мне уже сорок один год. Пора вообще перестать бояться кого бы то ни было. А уж тем более Афоню», – пронеслось у Насти в голове.

Всего две или три секунды парил ее дух под потолком начальственного кабинета, но, когда сознание вновь слилось с телом, перед Вячеславом Михайловичем сидела совершенно другая Настя.

– Третье направление...

Она слегка изменила порядок доклада и решила вместо третьей группы версий изложить сначала четвертую. Чистое ребячество, мелкое служебное хулиганство, ведь она понимает, что Афоню больше всего интересует версия умышленного срыва съемок, так пусть помучается еще немного, пока она будет докладывать ему о том, о чем он и слышать не хочет.

– Третье направление работы ориентировано на то, что убийство Теймураза Инджия и исчезновение Яны Нильской вообще не связаны между собой. В этом случае работа по убийству водителя идет так же, как по первому направлению – долги, ревность, наркотики. Что касается Нильской, то здесь все так же, как во второй группе версий, плюс версии ее самовольного ухода. Внезапное психическое расстройство, ссора с мужем и желание его наказать, неожиданное любовное приключение. В любом случае убийство и исчезновение – совершенно самостоятельные факты, случайно совпавшие по месту и времени и никак друг с другом не связанные.

– Так не бывает, – резко оборвал ее Афанасьев. – Что ты мне тут голову морочишь какими-то совпадениями? Совершенно очевидно, что эти события связаны между собой.

– Почему очевидно? Из чего это вытекает?

– Да из всего! – взорвался начальник. – Инджия и Нильская целый день были вместе, то в теннис играли, то гуляли, то в кафе ходили. Они целый день были вместе, и в событии преступления участвовали вместе, иначе и быть не может.

– Может, – спокойно возразила Настя. – Вы прекрасно знаете, какие невероятные совпадения бывают в жизни и как часто они случаются. Даже тот факт, что вы – мой начальник, а я – ваша подчиненная, – тоже чистое совпадение.

– Глупости! Меня предупреждали, что у тебя абсолютно отсутствует сыщицкое чутье и ты работаешь исключительно при помощи математики и логики. Так вот запомни, Каменская, сыщик без чутья – это не сыщик, а так, название одно. Я своему чутью привык доверять, оно меня еще ни разу не подвело. И оно мне говорит, что рассматривать убийство и исчезновение по отдельности – полный бред. Выбрось это в помойку и не трать мое время на выслушивание этой ерунды. Давай дальше. Что там у тебя еще осталось?

– Осталось то, что вам больше всего нравится, – нахально заявила Настя, по-прежнему не глядя на начальника. – Преступление совершено с целью срыва съемок.

– Вот об этом поподробнее.

– Пожалуйста. Это самое слабое направление, – злорадно начала Настя, – оно пока ничем не подкрепляется. Опрос членов съемочной группы показывает, что ни убийство водителя, ни исчезновение жены сценариста не могут повлиять на съемки сериала. С водителем все понятно, а что касается сценариста, то если исчезновение жены сделает невозможным его дальнейшее участие в работе, то пригласят другого кинодраматурга, но картина все равно будет сниматься. Была выдвинута версия о том, что Инджия убили по ошибке, приняв его за одного из ведущих актеров, но и эта версия не выдерживает никакой критики. Во-первых, ни один из актеров, занятых в сериале, внешне не похож на водителя, и их нельзя было перепутать. Во-вторых, убийство актера после трех недель съемок ничего не изменило бы, приглашают другого актера и переснимают несколько сцен с его участием, только и всего. Следующая версия: преступление в Сокольниках организовано мужем режиссера Натальи Вороновой, который хочет воспользоваться несчастьем, чтобы отговорить жену от продолжения съемок. В этом случае действительно целесообразно было совершить убийство в самом начале съемочного периода, пока дело не зашло слишком далеко и начатую, но недоделанную работу не так жалко бросить, как было бы, если бы сериал был почти целиком снят. Муж Вороновой – бизнесмен, ранее уже дававший ей деньги на съемки. Вполне вероятно, что у него возникли серьезные финансовые проблемы, о которых он не может сказать жене, но и финансировать ее творчество он тоже больше не может. Версия рыхлая, мне она кажется надуманной, но следователь настаивает на ее отработке в полном объеме. План работы вами утвержден еще вчера, следователь с ним ознакомлен. У меня все.

– Плохо, Каменская. – Сама знаю, – с улыбкой огрызнулась Настя.

– Что значит «сама знаю»? Если знаешь – так почему не делаешь, как надо?

– Не успеваю, Вячеслав Михайлович. Версий много, ребята на территории отрабатывают только часть из них, да у них и у самих работы по горло. Я готова вплотную заняться мужем режиссера Вороновой и публикациями Руслана Нильского, но жену сценариста пусть ищет кто-нибудь еще. Вот, кстати, завтра приходит новый сотрудник...

– Ты меня не учи. Я сам буду решать, кто из вас чем должен заниматься, – оборвал ее полковник. – И что у вас за порядки в отделе? С каких это пор рядовые сотрудники вмешиваются в распределение заданий? Развел ваш Гордеев, понимаешь, демократию, а у нас тут не парламент, мы все тут офицеры, погоны носим, у нас должна быть строгая иерархия и беспрекословное подчинение приказу вышестоящего начальника. Усвоила?

– Так точно, товарищ полковник, усвоила. Вопрос можно задать?

– Ну, задавай, – смиростивился Вячеслав Михайлович.

– Наш новый сотрудник – он кто? И откуда?

Начальник порылся в бумажках, разбросанных по столу.

– Какой-то Зарубин Сергей Кузьмич, из Центрального округа. Еще вопросы есть?

– Никак нет, – радостно ответила Настя, собирая свои записи и складывая их в папку. – Разрешите идти?

– Не забудь про план работы по версии о публикациях журналиста. Я жду. Не вздумай уйти домой, пока я не увижу план.

– Ни за что не уйду, – пообещала она. – Я спать не смогу, если не увижусь с вами сегодня еще раз.

– Ты что себе позволяешь, Каменская?! – заревел Афанасьев. – Это тебя Гордеев научил так с начальником разговаривать?

– Никак нет, Вячеслав Михайлович, это не Гордеев, это жизнь меня научила. Жизнь, Афоня, – она ужасно длинная, не каждой памяти под силу ее всю охватить. Моей – как раз

под силу. Ты уже забыл, как достал мне по большому благу три банки бразильского кофе за то, чтобы я тебе написала шпаргалки по уголовному процессу? А я хорошо это помню. И много чего другого тоже. Пока, Афоня, сиди и жди, скоро план принесу.

У самого выхода из кабинета она не удержалась и посмотрела все-таки на начальника. Выражение его лица было трудно описать. Тихонько прикрыв за собой дверь, Настя вприпрыжку помчалась по коридору. Сережка Зарубин с завтрашнего дня будет работать в их отделе! О большей удаче и мечтать нельзя было. Сережка – классный опер и вообще отличный парень. Какой же Коротков молодец, что уговорил его перейти к ним на работу! И какая же молодец она сама, что перестала бояться Афоню! Дело есть дело, и если начальник отдает приказ, она обязана его выполнить. Но кто сказал, что она обязана прогибаться перед своим бывшим сокурсником, которому все пять лет учебы писала шпаргалки и который в благодарность за это продавал ей дефицитные кофе и сигареты по спекулятивным ценам? Вот это уж она точно не обязана. И не будет.

– Юрик, с меня коньяк! – радостно заявила она, врываясь в кабинет к Короткову.

– Не надо, – буркнул Юра, не отрываясь от бумаг, – это тебе подарок от меня ко дню рождения, который ты, между прочим, нахально зажала от товарищей по оружию. Я так понимаю, Афоня тебе сказал про Зарубина?

– Сказал, – кивнула Настя, – а как же. Юр, мне очень стыдно... я хочу сказать, насчет дня рождения... Я думала, ты забыл, вот и не стала напоминать, а то ты с подарком начал бы суетиться, а у тебя ни времени на это нет, ни денег. Ты обиделся, да?

Коротков поднял голову, спрятал папку с бумагами в сейф и хитро улыбнулся.

– Я? Да, обиделся. Страшно и жестоко. Чуть-чуть не успел, хотел, чтобы Серегу назначили в акkurat к твоему дню рождения, но просчитался с этими праздниками бесконечными. Но у тебя есть возможность реабилитироваться.

– Я готова, – быстро ответила Настя. – Говори свои условия.

– Мы сейчас звоним Зарубину и приглашаем его к тебе. В теплой дружеской обстановке отмечаем твой день рождения и его назначение, вводим нашего малыша в курс дела, чтобы завтра прямо с утра он включался в работу. Идет?

– Идет. А мне можно встречное условие выставить?

– Валяй. Только не зарывайся, – на всякий случай предупредил Юра.

– По дороге домой мы заедем за китайской едой.

– Что, так понравилось?

– До жути. Кажется, в жизни ничего вкуснее не ела. Только, Юр, мне еще надо план написать, Афоня там копытами бьет. Но я быстро, мне пятнадцати минут хватит.

– Кстати, – Коротков с подозрением уставился на Настю, – что-то ты больно веселая от начальника прискакала. Вы что, общий язык нашли?

– Ну прямо-таки! – Настя с размаху плюхнулась на стул, вытащила из Юриной пачки сигарету и с наслаждением закурила. – С точностью до наоборот. Я ему нахамила.

– Ты?! Никогда не поверю, – в голосе Короткова прозвучала такая убежденность, словно он отстаивал справедливость совершенно очевидного факта, который не может быть оспорен никогда и ни при каких обстоятельствах.

– Честное пионерское. Ты знаешь, я пока у Афони сидела, вдруг вспомнила, что у меня вчера был день рождения. Мне исполнился сорок один год. Ты понимаешь, Юрик? Сорок один! Я же пятый десяток разменяла! И что же я, как девчонка-малолетка, всех боюсь? Начальников боюсь, родителей боюсь, даже просто людей на улице боюсь, а вдруг меня кто-нибудь обидит, оскорбит, нахамит мне? Ну сколько же можно всех и всего бояться, а? Что я, рассыплюсь оттого, что на меня кто-то наорет? Да пусть орут, пусть ругаются, с меня даже волосок не упадет. И так мне легко стало в эту секунду – ты представить себе не можешь! Словно груз с

плеч упал. Вот я на радостях и брякнула ему то, что думала. Конечно, не надо было, зря я это сделала. Но зато сколько удовольствия получила!

– И что же ты ему сказала? – поинтересовался Юра.

– Не скажу. Напомнила кое-что из нашего общего университетского прошлого.

– А-а-а, понятно. Ну и он что?

– Ничего. Рожа вытянулась, как стиранный чулок. И речь отнялась. Пока он в себя приходил, я успела слинять. У тебя еще много дел?

– Аська, нашу работу никогда до конца не переделаешь. Поэтому главное в нашей работе что?

– Что? – послушно переспросила она.

– Умение вовремя поставить точку и уйти домой. Катись, пиши свой план, я пока Зарубина найду.

Через двадцать минут Настя принесла Афанасьеву отпечатанный на лазерном принтере план работы по версии.

– Разрешите, Вячеслав Михайлович? – Она вошла в кабинет начальника, стараясь не поднимать глаза выше отполированной поверхности стола для совещаний. – Вот план, как вы велели.

Афанасьев молча взял бумагу, пробежал ее глазами, положил на стол. Настя уже горько раскаивалась в своей несдержанности, потому что понимала: начальник не знает, как себя вести с ней. То ли по-прежнему хамить и разговаривать, как с нерадивой подчиненной, то ли признать в ней однокурсницу и взять более дружеский тон, то ли избрать что-нибудь третье, вроде нейтральной холодной вежливости, дескать, так уж и быть, орать на тебя я не буду, но и дистанцию сокращать не собираюсь, все-таки хозяин, то бишь начальник, здесь я.

– Я могу идти? – спросила Настя, не дождавшись словесной реакции полковника на свое появление.

Тот по-прежнему молча кивнул и с деловым видом принялся рыться в сейфе. Осторожно попятившись, Настя нащупала дверную ручку и тихонько выскользнула в коридор.

* * *

– У тебя есть детские фотографии?

Вопрос был неопасным, но все равно неприятно резанул Виктора. Детские фотографии! Они остались дома, у родителей, в Камышове. Но если бы они были здесь, все равно их нельзя было бы показывать Юле. Слишком заметна разница между тем лицом, которое у него было когда-то, и тем, которое он носит сейчас. Между десятилетним мальчиком и тридцатитрехлетним мужчиной общего, конечно, не так уж много, но ни при каком раскладе курносый нос не может превратиться в горбатый, а округлый подбородок – в раздвоенный с ямочкой.

– Есть, наверное, где-то у родителей, – ответил он как можно небрежнее.

– А студенческие? – не отставала девушка.

Ха, студенческие! Можно подумать, он студентом был! Техникум закончил и на этом с учебой завязал. Но легенда есть легенда, и согласно ей Виктор Слуцевич закончил какой-то коммерческий институт по какой-то невнятной специальности, которую давно и прочно забыл, ибо к его нынешней работе эта специальность никакого отношения не имела. Диплом у него, естественно, был, корочки он получил в комплекте вместе с новым паспортом, водительскими правами и еще целой кучей бумажек.

– Да нет же, детка, я свои изображения не коллекционирую. Зачем тебе мои фотографии?

– Хочу посмотреть, каким ты был раньше.

– Зачем?

– Просто интересно.

– Не понимаю, – Виктор пожал плечами, – какой интерес копаться в прошлом человека? Ты же сегодня общаешься со мной сегодняшним, а не с тем, каким я был когда-то. Так какая тебе разница, каким я был?

– Никакой, – легко согласилась Юля, и Виктор с удивлением заметил, что произнесла она это с явным облегчением. Ну и девчонка! И что у нее в голове делается, хотел бы он знать. Смотреть детские и юношеские фотографии ей явно неинтересно, тогда зачем спрашивала?

Сегодня после ужина в ресторане он пригласил Юлю к себе домой. Девушка спокойно согласилась, но в ней было столько прохладного равнодушия, что Виктор засомневался, а понимает ли она вообще, что означает ее готовность пойти в гости к малознакомому, в сущности, мужчине, который оказывает ей столь явные знаки сексуального внимания, что их невозможно даже при самой буйной фантазии принять за желание вместе почитать Шекспира или послушать за чашечкой кофе концерт для фортепиано с оркестром. Вот уже полчаса они находятся в его квартире, Юля сидит на диване, забравшись на него с ногами и свернувшись гибким клубочком, не отстраняется, когда Виктор прикасается то к ее плечу, то к руке, то к бедру, не вздрагивает, но и не дает понять, что ждет продолжения. Словно ей абсолютно безразлично, потащит он ее в постель или нет. Охотно поддерживает разговор, но не предпринимает ни малейших попыток оживить его, когда тема внезапно иссякает и повисает глухая пауза. Не задает никаких вопросов. Только вот про фотографии спросила, и то непонятно зачем, ведь очевидно же, что смотреть снимки ей не хочется.

– Ну, как тебе мое жилье? – поинтересовался Виктор.

Юля лениво повернула голову, обвела глазами комнату.

– Уютно, – с легкой улыбкой сказала она. – Но несовременно как-то. Сейчас мало у кого встречается такой вкус, как у тебя. Ты принципиально придерживаешься классики или это эпатаж? Не хочешь быть как все?

Ох ты елки-палки! Знала бы она... Виктору нравились чистые четкие линии стиля «модерн», он мечтал о том, чтобы у него был свой дом, оформленный в вызывающе ярких тонах, весь в металле, стекле и пластике. Если столик – то непременно на одной тонкой ножке и со стеклянной столешницей, ни в коем случае не округлой формы. Кресла и диваны с прямоугольными спинками, обитые черной и белой кожей. В ванной комнате – черная с белым плитка. Стены – синие или фиолетовые. Черный потолок. Ядовито-красная кухня. Оригинальные напольные светильники. И все по дизайну и материалам должно быть легким, воздушным и обязательно с острыми углами. Таким видел свой дом Юрка Симонов, и именно поэтому квартира Виктора Слуцевича оказалась прямой противоположностью. Темные приглушенные тона, тяжелая классическая мебель из натурального дерева, тяжелые мягкие кресла и диван, плотные шторы, почти не пропускающие дневной свет. Он ненавидел свое жилище и в то же время чувствовал, что привыкает к нему, и даже что-то внутри его самого начинает меняться, становится более приглушенным, менее вызывающим. Одновременно с раздражением обстановка в квартире странным образом вызвала в нем чувство покоя и надежности. Сюда не хотелось приглашать гостей, устраивать шумные сборища с выпивкой и девочками. Здесь ему хотелось часами сидеть неподвижно, уставившись в телевизор или в книгу. И это тоже было новым в его жизни. Энергичный, мобильный, ни секунды не сидящий на месте Юрка Симонов медленно умирал в нем. А кто рождался вместо него? Неизвестно. Он инстинктивно противился рождению и формированию этого нового существа внутри себя, поэтому за полгода так и не сделал того, что велел ему тот умник – специалист-психолог. Не завел новых друзей, не обзавелся постоянной женщиной. «Новую жизнь нужно создавать, конструировать сознательно и целенаправленно, – поучал тот. – Жизнь – это не только биологический процесс, состоящий из сна, принятия пищи, отправления естественных потребностей и секса. Жизнь – это твой круг общения, совместные посиделки, участие в делах твоих друзей, отношения с женщиной. Это все то, что рождает общие интересы, общие разговоры и впоследствии – общие воспоминания».

нения. Ты должен жить так, чтобы самое позднее через год иметь возможность по любому поводу рассказать случай из своей жизни. Из новой, заметь себе, жизни, а не из той, прежней. Ты должен за год набить свою записную книжку новыми телефонами, а свою жизнь – переживаниями, событиями и фактами, которые полноценно заменят переживания, события и факты предыдущих тридцати лет».

В первый раз, когда Виктор это услышал, слова психолога показались ему уж больно мудреными. Он в них почти ничего не понял. И только спустя несколько месяцев начал понемногу постигать их смысл. Вот Юлька спросила про фотографии, а ему и показать-то нечего, хотя было бы вполне уместно достать альбом или пачку снимков и пуститься в объяснения: это мы с друзьями на рыбалке, а это мы на даче, шашлыки делаем, а вот это мы ездили на море отдыхать, а это... ну, это так, одна знакомая, бывшая, можно сказать, ничего серьезного. У него, как у любого нормального человека, должно быть прошлое, а он за полгода прошлым так и не обзавелся. Полгода псу под хвост, полгода он цепляется за свою личность, всячески сопротивляясь ее разрушению и пытаясь сохранить все, что можно. А нужно ли? Вот взять да и закрутить романчик с этой чистенькой молоденькой студенточкой, ребенка ей заделать, жениться. А что, чем плохо? Еще и фамилию сменить, некоторые мужики так делают. Никогда у него не было таких девочек – Виктор про себя называл их «приличными», – с ними ему было скучно и тягостно, он не знал, о чем с ними разговаривать и чем их развлекать, потому что, кроме выпивки и постели, ничего не мог им предложить. Не в консерваторию же с ними ходить, в самом-то деле!

Хотя Юля не очень-то похожа на них, во всяком случае, в излишней разговорчивости ее заподозрить трудно. Он молчит – и она тоже молчит, смотрит то на него, то по сторонам своими темными глазищами, сидит неподвижно, как статуэтка. Странная она все-таки...

– Ты останешься до утра? – без обиняков спросил Виктор.

– Не знаю, мне нужно позвонить.

– Кому?

– Домой, родителям.

– И что, они могут не разрешить?

– Могут.

Да уж, многословием эта девочка не страдает, это точно.

– А от чего зависит их разрешение? – поинтересовался он. – Если у подружки – то можно, а если у друга – то нельзя?

– Нет, все зависит от здоровья маминой тетушки. Она уже старенькая, и если она плохо себя чувствует, я приезжаю к ней ночевать, чтобы в случае чего сделать укол или вызвать «неотложку».

– Значит, в отношениях с мужчинами родители тебя не ограничивают? – удивился Виктор. – Они у тебя такие передовые, продвинутые?

– Они нормальные. И прекрасно понимают, что если я захочу с кем-то переспать, то легко сделаю это и днем, так что требование ночевать дома ничего не решает и не меняет. Ты хочешь, чтобы я позвонила?

– А ты сама? Ты сама хочешь остаться?

На лице Юли проступило такое выражение, словно она собирается сказать: «Мне все равно». Виктор на сто процентов уверен был, что услышит именно эти слова, и несказанно удивился, когда она произнесла:

– Пока хочу. Но если потом передумаю, я полагаю, ничто не помешает мне встать и уйти. Правда?

– Да, конечно, – растерянно пробормотал он.

Черт возьми, они совсем другие, эти девочки поколения девяностых. Когда ему самому было столько, сколько сейчас Юле, его ровесницы так себя не вели. Вернее, вели-то они себя

точно так же, оставались на ночь даже не во второй, а в первый же день знакомства, шли в гости к незнакомым мужикам и ничего не боялись, или же наоборот, отчаянно боялись и ни за что не соглашались идти в чужой дом. Но чтобы вот так хладнокровно пойти к мужчине, о котором ничего не знаешь, и при этом допускать, что он может оказаться насильником или полным придурком, садистом или еще каким-нибудь уродом, и при этом еще рассчитывать на то, что она сможет уйти, если ей что-то не понравится... Девочка двадцать первого века. А может, просто московская девочка? Говорят, столичные девицы отличаются от провинциальных. Интересно, чем? Может, именно этим? Знают обо всех темных и грязных сторонах жизни, но со столичным высокомерием полагают, что сумеют справиться с ситуацией, ведь они такие умные, такие продвинутые.

Юлина родственница оказалась в полном здравии, и девушка предупредила родителей, что ночевать не придет. Положив трубку, она снова замолкла, неподвижно сидя на диване и обхватив руками прижатые к груди колени. Ну вот, теперь надо что-то делать, что-то сказать или хотя бы кофе предложить... Или, может, сразу в спальню ее вести? Виктор заметался. Девочка ему очень нравится, она принадлежит как раз к тому типу женщин, от которых он обычно мгновенно терял самообладание – невысокая, тоненькая, темноволосая, смуглая. И волосы. Главное – длинные волосы, густые, прямые, шелковистые и блестящие. От таких волос он просто балдел. Ему захотелось немедленно схватить Юлю в охапку, на руках отнести в спальню, бросить на кровать, сорвать с себя рубашку и прижаться всей грудью к этим прохладным и свежим, как родниковая вода, волосам. Но почему-то казалось, что такой порыв будет неуместным и даже каким-то... плебейским, что ли. В нем бурлил бешеный темперамент молодого здорового самца, он хотел эту девочку немедленно, здесь и сейчас, но она выглядела такой холодной и рассудочной, что Виктор терялся.

– Ты пьешь кофе до того или после? – наконец нашел он, как начать приступ.

– Я после десяти вечера кофе вообще не пью, – последовал медленный ответ. – Только некрепкий чай. И после того я предпочитаю спать, а не пить. Ты еще что-то хочешь узнать о моих привычках?

– Конечно, – воодушевился Виктор. – Еще я хотел бы узнать, как ты предпочитаешь начинать, прямо здесь или в спальне. Или, может быть, в ванной?

– Зависит от обстановки. Сначала мне нужно взглянуть на спальню и ванную, а потом я решу.

Ну и дела! Как будто она пришла сюда не любовью заниматься, а ремонт делать. И будто бы она здесь – старший мастер, который будет решать, что и в какой последовательности должно происходить.

– Слушай, ты всегда такая?.. – Виктор замялся в поисках подходящего эпитета.

Юля, уже поднявшаяся с дивана, вскинула на него недоумевающие глаза.

– Какая?

– Деловитая. Ты словно на работу пришла, а не отдыхать.

Легкая улыбка снова тронула ее четко очерченные губы, но так и не разлилась по лицу сиянием радости или хотя бы смеха.

– Нужно ко всему относиться серьезно, как к работе. Даже к отдыху. Тогда все будет как надо.

– А как надо? – глупо спросил Виктор, включая свет в спальне.

– Примерно вот так.

Юля неожиданно прижалась к нему всем телом, ее маленькие горячие ладони буквально обожгли его ягодицы через тонкую ткань летних брюк. Все дальнейшее происходило сумбурно и безалаберно, то на полу, то на кровати. Девушка оказалось очень темпераментной и молчаливой, она не требовала, чтобы Виктор говорил какие-то необязательные слова, и сама не про-

изнесла ни звука, даже не стонала. Только протяжно и громко закричала в самом конце. Потом лениво чмокнула его в плечо, повернулась на бок и крепко уснула.

Виктор еще долго ворочался без сна, то и дело борясь с желанием разбудить Юлю и снова приласкать ее, но отчего-то не посмел. К тому времени, когда дремота начала сковывать мягкой паутинкой его возбужденный мозг, у него возникло странное ощущение, будто его использовали. Да-да, использовали, именно так, как он сам использовал многих девушек. Эта смуглокожая студенточка ничего не хотела знать о нем, не задала ни одного вопроса, а про фотографии спросила просто из вежливости, чтобы сделать ему приятное, он же видел, с каким облегчением она перевела дыхание, когда выяснилось, что фотографий у него нет. Он как личность ей совершенно не интересен. Он был нужен только как мужчина, с которым можно провести вечер, когда больше нечем заняться. И которого можно употребить в качестве сексуального автомата.

Проспав три или четыре часа, Виктор проснулся. Юля мирно спала рядом, она лежала в той же позе, в которой уснула. Июньское небо уже совсем светлое, хотя еще только половина пятого утра. Снова нахлынула смешанная с недоумением обида: его использовали как бездушную бессловесную вещь. Но уже в следующее мгновение пришла другая мысль. Девушка, которая не задает вопросов. Девушка, с которой не нужно разговаривать о разных умных вещах и строить из себя начитанного и образованного. Девушка, которая не интересуется его работой, его друзьями, его прошлым. Девушка, готовая на близость и при этом не стремящаяся представить его своим родителям в качестве жениха. Девушка, при одном взгляде на которую у него сладко замирает все внутри и мысли приобретают совершенно определенное направление. Может быть, это как раз то, что ему сейчас нужно? Хотя бы для начала. Пусть эта Юля станет первым кирпичиком сначала в его новой жизни, а потом в его новом «прошлом».

В том, что темноволосая Юля рано или поздно станет его «прошлым», Виктор ни минуты не сомневался.

Глава 5

– И все-таки, ребята, вы поступили неприлично, – в десятый, наверное, раз обиженно произнесла Настя. – Ну как это так? Я не понимаю. Ведь вопрос с Сережиным переводом на Петровку решался как минимум месяц. Целый месяц! И за все это время ни Коротков, паршивец, ни ты, Сережа, ни словом не обмолвились. Я вам кто?

– Ты мне лучший друг, Настюха, – сыто проорчал Коротков, отработанно-вороватым жестом утаскивая со стоящей в центре стола тарелки предпоследнюю креветку в кляре. – Я хотел тебе сделать сюрприз от всего моего заскорузлого сыщицкого сердца. Права не имеешь на меня дуться.

– А я вообще шестерка в этом деле, – подал голос Сергей Зарубин. – Мне велели молчать, чтоб не сглазить и начальство не рассердить, – я и молчал. Ты, Пална, бочку на нас не кати, мы хорошие. Белые и пушистые, как ангорские кролики.

Все трое оказались зверски голодными, поэтому еда, принесенная из китайского ресторана, закончилась куда быстрее, чем темы для тостов.

– Ну, давайте еще по одной за благополучное раскрытие убийства в Сокольниках, – предложил Юра, разливая водку по маленьким стопочкам себе и Зарубину, а хозяйке наливая мартины.

– Закусывать нечем, – заметила Настя, – все уничтожили подчистую. Одна несчастная креветка на всех осталась.

– А мы так, – Сергей бодро поднял рюмку, – по-простецки, без закуси. Тебе, Пална, закуска вообще не нужна, ты сладкое пьешь, а мы с Юркой поделимся последним кусочком. Ну, поехали.

Чокнулись, выпили. Настя быстро убрала посуду в мойку, протерла стол и выразительно посмотрела на коллег.

– Все, мальчики, праздник закончился, начинаются мерзкие будни. Сережа, принеси, будь добр, из комнаты мой блокнот, большой такой, в коричневой папке. На диване лежит.

Зарубин скрылся в комнате и отчего-то не возвращался на кухню подозрительно долго.

– Эй, – крикнул Коротков, – ты там заснул, что ли?

– Не, я не заснул, я думал, – объявил Зарубин, возникнув на пороге с коричневой папкой под мышкой. – Думал и анализировал.

– Скажите, пожалуйста, – ехидно протянул Юра. – Анализатор нашелся. Ну и чего ты там наанализировал после пяти рюмок?

– Да так, разного всякого, – уклончиво ответил Сережа. – Вот, например, свитер какой-то на стуле висит, для Палны слишком большой, а для ее профессора слишком дешевый. Размер пятьдесят четыре, рост четыре, производство фирмы «Бабкин самовяз», стоит рублей семьсот максимум, если в магазине покупать, а если на вещевом рынке – то и за пятьсот отдадут. Чей бы это, а?

Настя прыснула и отвернулась, делая вид, что сосредоточенно моет посуду.

– Еще чего видел? – строго спросил Юра.

– Долго перечислять. В общей картине получается присутствие постороннего мужчины, который здесь ночует, пока профессор в заграничных науку освещает. Ты что, Пална, решила пятый десяток расцветом личной жизни встретить?

– Это не она, Серега, это я решил личной жизнью заняться, – признался Коротков. – От жены ушел, а жить пока негде. Вот Аська приютила на время. Только ты на работе не трепись, ладно? Все-таки начальник и подчиненная... Не так поймут, языками чесать будут.

– У-у-у, как все далеко зашло, – покачал головой Зарубин, усаживаясь за стол. – Ладно, не буду о грустном. Давайте, граждане новые сотрудники, вводите меня в курс. Где убили, кого убили, зачем убили. Хотелось бы еще услышать, кто убил.

– Оптимист, – рассмеялась Настя.

Она заняла свое место за столом, раскрыла блокнот с записями, положила рядом карту-схему парка «Сокольники».

– Вот здесь вход со стороны метро, – она ткнула карандашом в точку на схеме. – Вот здесь, между Первым и Вторым лучевыми просеками, – пруд и лесополоса. Возле пруда расположена съемочная группа. Там очень выгодное место для съемок, можно и лес изобразить, и опушку, и берег озера, и проселочную дорогу, и аллею городского парка. По свидетельству очевидцев, водитель Теймураз Инджия примерно в одиннадцать часов двадцать минут заявил, что поведет Яну Нильскую перекусить и выпить кофе в ресторан «Фиалка», поскольку там у него есть знакомые. Кроме того, основная масса точек питания закрывается в десять вечера, только «Фиалка» и еще несколько кафе работают до полуночи. От места съемки до «Фиалки» можно дойти вот так, – Настя провела карандашом поверх кем-то уже прочерченной красной линии, – или вот так, по синей линии, или вообще вот так, по черной. Путь, отмеченный черным карандашом, самый длинный, но зато проходит в большей своей части по освещенной территории. Остальные два пути заметно короче, но идут по неосвещенным местам. Съемки планировалось вести до семи утра, в графике на этот день стояли сцены на рассвете, поэтому водителя хватились только тогда, когда около часа ночи закончил сниматься актер, которого нужно было отвезти домой. Вот тут и сообразили, что Тимура и Яны что-то долго нет. Послали гонца в «Фиалку», но там заявили, что Тимур к ним вечером не приходил. Днем – да, был, вместе с девушкой, по описанию похожей на Яну Нильскую. А вечером не приходил. Ошибиться якобы не могут, потому что Тимура хорошо знают, он, что называется, из местных, живет неподалеку и в ресторане бывает регулярно. Пока судили-рядили, обнаружили в зарослях, буквально в ста пятидесяти метрах от места съемки, некую суету, подошли поближе – а там милиция, никого не подпускают, тело осматривают. Оказалось – Инджия. Кто-то из владельцев собак наткнулся на труп и побежал в милицию, там семьдесят девятое отделение, как ты знаешь, прямо на территории парка, от места обнаружения трупа минут десять ходьбы. Парня застрелили, два выстрела, один в грудь, другой в живот. Как это теперь модно – с глушителем, поэтому никто ничего не слышал. Еще какое-то время ахали и охали, пока не вспомнили про Яну. А Яны и след простыл. Сперва думали – потерялась, заблудилась, парк огромный, с лесопосадками. Водителя грохнули у нее на глазах, она испугалась и помчалась со страху куда глаза глядят, не разбирая дороги, а когда опомнилась, то не могла сообразить, как выйти обратно. Искали до утра, весь парк по пять раз прошерстили, из громкоговорителя ее звали, прожекторами освещали.

– И ничего? – спросил Зарубин, внимательно вглядывавшийся в схему, лежащую перед ним.

– Ничего. Исчезла и до сих пор не появилась. И никто насчет выкупа не звонил.

– Сообщница? – выдал неожиданную версию Сергей. – Привела Тимура в условленное место, где его должны были убить, и теперь скрывается.

– Да она с Тимуром-то знакома была всего ничего, две недели каких-то, – возмутился Коротков. – С какой стати ей участвовать в его убийстве?

– погоди, Юрик, – Настя задумчиво почесала карандашом подбородок, – в этом что-то есть. Наемные убийцы, между прочим, со своими жертвами вообще не знакомы, однако это не мешает им убивать их.

– Так то за деньги!

– А тут что? Любовь, что ли? – возразила она. – Те же самые деньги вполне могут быть. Или шантаж. Ты приведешь Тимура, куда мы скажем, или мы убьем тебя, твоего мужа или

твоих детей. Интересно, кто был инициатором похода в «Фиалку», Яна или Тимур? Юр, что скажешь? Ты же выезжал на место, с людьми разговаривал.

– Да мне и в голову не пришло это уточнять, – развел руками Коротков. – Якобы Тимур подошел к администратору и сказал, что они с Яной идут в «Фиалку» перекусить. Это было в двенадцатом часу, администратор посмотрел в график и напомнил водителю, что примерно в час ему нужно будет возить домой какого-то актера. Тимур ответил, что помнит, даже достал из кармана точно такой же график и показал, что у него там галочкой помечено время, когда ему ехать. Вот и все. А уж как он до этого с Яной разбирался – теперь никто не знает. Короче, Серега, поиски Яны Нильской – это твой кусок, до утра можешь подумать, как ты собираешься это отрабатывать, а уж с утречка пораньше чайку попьешь – и вперед с песнями.

– Знаешь, Сережа, – проговорила Настя, листая блокнот, – если вдруг окажется, что ты прав и Яна скрылась с места преступления, потому что была соучастницей, то она сама найдется. Придет к мужу или прямо к нам и расскажет какую-нибудь невероятную историю, в которую мы должны будем, по ее задумке, поверить. Ладно, с этим вопросом все. Теперь давай я тебе расскажу про нашего водителя, у него биография богатая, и поводов убить себя он успел надавать целую кучу.

Поглядывая в исписанные листки, она начала методично излагать Зарубину все то, что удалось узнать за четверо суток о жизни погибшего Теймураза Инджия. Долги... Наркотики, но это пока не точно, хотя если то, что рассказали сыщикам, – правда, то повод для убийства более чем серьезный... Женщины, с мужьями, любовниками или одинокие, но ревнивые... Карточные игры, во время которых порой случались конфликты, связанные с тем, что Тимура подозревали в мошенничестве... Итого – около двадцати человек, имевших реальные основания пожелать молодому человеку смерти. У четверых из них нет никакого алиби, а из этих четверых по крайней мере двое весьма недвусмысленно высказывались в адрес Тимура (за его спиной, разумеется), обещая легкомысленному юноше массу приятных впечатлений от встречи с архангелом Гавриилом. Оба задержаны на семьдесят два часа, один – в понедельник, второй – сегодня утром. Оба допрошены следователем Гмырей, и, естественно, ни один из них в убийстве или хотя бы причастности к нему не признался. Оперативники разыскали около десятка владельцев собак, имеющих обыкновение выгуливать своих питомцев в районе пруда в интервале от 11 вечера до полуночи, и всех опросили на предмет всего того, что они видели во время променада 9 июня. По меньшей мере двое из них видели в интересующее нас время молодого парня, бегущего от рокиодома, рядом с которым обнаружен труп Инджия, в сторону Поперечного проезда, еще двое видели бегуна, удалявшегося через лесополосу в сторону Второго лучевого просека, но, судя по описанию одежды, это были разные люди. «Собачников» пригласили к следователю и предложили опознать задержанных, но неудачно. Ни один из свидетелей не смог с уверенностью утверждать, что видел кого-то из них поздно вечером 9 июня в парке «Сокольники», во-первых, было около 12 ночи, то есть темно, а во-вторых, молодые люди все-таки бежали, а не стояли неподвижно, давая возможность всем желающим обозреть и запечатлеть свою внешность. Кроме «собачников», были опрошены несколько влюбленных парочек, гулявших неподалеку от пруда, а также бомжи, регулярно собирающие бутылки, остающиеся после отдыхающих. Бомжи – хорошие источники информации, их никто всерьез не воспринимает, а потому никто и не боится, и они зачастую видят и слышат то, что для их глаз и ушей совершенно не предназначено. Но беда в том, что к тому времени уже недели две стояла холодная дождливая погода, и число любителей попить пивка или водочки на природе было совсем мизерным, а потому бомжи в указанный период июня приходили на свои «сборы» через день, а то и реже. Влюбленные же парочки вообще не склонны смотреть по сторонам, они больше друг другом заняты. Правда, удалось все-таки выяснить, что в начале двенадцатого, то есть как раз тогда, когда Тимур и Яна собрались в «Фиалку», на углу Первого лучевого просека и Митьковского проезда стояла белая «Волга», но изучать ее номерные знаки никому и

в голову не пришло. Там вообще машины частенько стоят, потому что рядом находится таможенная контора со складом временного хранения товаров. Если предположить, что именно в этой машине сидел преступник, который застрелил Тимура и увез Яну, то он должен был после совершения преступления быстренько уезжать в сторону Богородского шоссе.

Сергей Зарубин делал вид, что внимательно слушает, но Настя, случайно перехватив его взгляд, устремившийся куда-то в сторону окна, поняла, что думает он о чем-то своем.

– Алё, крошка Доррит, – сердито сказала она, – я тут для кого воздух сотрясаю? Мы с Коротковым всю эту информацию уже наизусть выучили, нам повторять не нужно.

– Почему это Доррит? – обиделся Зарубин. – Чего ты по-заграничному обзываешься?

– Потому что крошка, – насмешливо ответила Настя, намекая на маленький рост сыщика. – Классику читать надо.

– Когда мне книжки-то читать? – возмущенно откликнулся Сергей. – И так работаю без продыху.

– Сейчас, конечно, некогда, – миролюбиво согласилась Настя. – Это надо было в детстве делать, пока в школе учился. Так мы работаем или ты будешь мечтать о кренделях небесных?

– Буду мечтать, – мстительно ответил Сергей. – Знаешь о чем? Вот рисуется мне такая картина: ты, Пална, умничаешь, нацепив очки на нос и тыкая карандашиком в свои схемы, Юрик строит из себя крутого шефа и с надменным видом наблюдает за твоими потугами, а тут вдруг раздастся телефонный звонок, и нам сообщают, что Яна Нильская сама нашлась, цела и невредима, сидит рядом со своим мужем и мирно попивает кофе. Вы с Коротковым смотрите на меня, как на мага и волшебника, разинув от изумления рты. У тебя, Пална, может, даже очки с носа свалятся, если мне сильно повезет. А я, молодой и красивый, хотя и маленького роста, немедленно мчусь на адрес, беру вернувшуюся дамочку в оборот и к утру приношу вам на блюде всю картину убийства водителя, в которой Яне Нильской отводится немаловажная роль подводчицы. И завтра, в первый мой рабочий день в «убойном» отделе, ваш начальник публично поздравит меня с победой и скажет... Ну, примерно так: вот, мол, как работать надо, учитесь, пришел новый человек, с ходу глянул свежим глазом, придумал оригинальную версию и тут же ее результативно отработал. И выпишет мне премию в размере оклада. Нет, лучше двух.

– Лучше, конечно, трех, – философски заметил Коротков. – Аська права, ты большой оптимист, Серега. Спору нет, версию ты придумал оригинальную, нам с Аской она и в голову не пришла. А все остальное в твоей картинке – полная утопия. Так не будет. Никогда.

Настя собралась было добавить, что, пожалуй, кое-что из обрисованного Зарубиным все-таки может сбыться, например, очки запросто могут свалиться с ее носа, потому что оправу она подобрала неудачно, и они действительно все время норовят соскользнуть... Но не успела, потому что зазвонил телефон.

– Вот! – встрепенулся Зарубин. – Я же говорил: зазвонит телефончик...

– Успокойся, – Настя бросила взгляд на часы, – это Чистяков. Как раз его время, он каждый день в одиннадцать звонит.

Но это оказался вовсе не Чистяков, а Настина мама Надежда Ростиславовна, которая после дежурных вопросов о самочувствии и питании поинтересовалась, посетила ли ее дочь парикмахерскую.

– Ты сильно обросла, Настюша, сходи постригись.

– Не хочу, мне так нравится, – упрячилась Настя.

– Доченька, у тебя была такая чудная головка, когда ты в первый раз сделала стрижку! Ну почему ты не хочешь снова постричься? Ходишь лохматая, как я не знаю что!

– Мама, женщина на пятом десятке имеет право сама решать, какую прическу ей носить.

Этот разговор повторялся с пугающей регулярностью вот уже несколько месяцев. Мать настаивала на возвращении на голову дочери стильной короткой стрижки, Насе же быстро

надоел ее новый облик, и она снова решила отрачивать волосы, а пока закалывала невразумительной длины пряди во что-то непонятное на затылке. Выдержав очередной «причесочный» натиск, она с облегчением положила трубку, но не успела и двух слов сказать, как снова раздалось треньканье. Коротков метнул на Зарубина взгляд, полный яда, и возвестил:

– А это уж точно профессор!

Это действительно был Чистяков.

– Чем занимаешься?

– Провожу время в обществе молодых мужчин, – пошутила Настя. – Один из них уйдет домой, а второй останется. Или, может, обоих оставить?

– Валяй, – согласился муж. – Только не запутайся в них, а то я тебя знаю, ты же до единицы считаешь без ошибок, а когда два и больше – начинаешь путаться.

– Я калькулятор возьму, – засмеялась она.

Настя разговаривала с Лешей и краем уха слышала перешептывание Зарубина с Юрой Коротковым.

– Слышь, Юрок, а у тебя правда с Палной... ну, в смысле... ничего такого?

– Во-первых, правда, а во-вторых, твое какое дело?

– Да я подумал, поздно уже, а мне на другой конец Москвы пилить... Может, она меня тоже оставит? А завтра вместе на работу бы... А, Юрок? Но если у вас что-то такое, так я мешать не буду, ты только скажи.

– Балда ты, Серега, и бить тебя некому.

– Почему это некому? – вступила Настя, закончив общаться с Чистяковым. – Ты, Коротков, теперь Сережин начальник, имеешь полное моральное право дать ему в нос. Или в лоб. Свободное спальное место есть только на кухне, вот на этом диванчике. Устраивает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.